

18+

Галина Щекина
Александр Дудкин

Начистоту

Галина Щекина

Начистоту. Книга писем

«Издательские решения»

Щекина Г.

Начистоту. Книга писем / Г. Щекина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989254-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Современность не располагает к медленному чтению и письму, а ведь некогда люди целые дни и недели тратили на бумажные письма, особенно, если дружили на расстоянии. Сейчас письма стали электронными, обрывистыми, из них часто уходит тепло. Эта книга — напоминание о том времени, когда письма помогали жить.

ISBN 978-5-44-989254-6

© Щекина Г.
© Издательские решения

Содержание

Дневники	6
Галина Щекина. Писательский дневник июнь 2001-го. на Скансайте	6
Г. Щекина. Писательский дневник 10 августа 2001 года.	7 9
Дневник писателя. Мытарство	11
1 октября 2001-го. Как страшно быть! (прощание с Николаем Елсуковым)	13
5 октября 2001-го. Когда кончался век XX	15
Дневник писателя. 19 октября 2001-го	17
Дневник писателя 12 ноября 2001-го. Кто я?	18
Дневник писателя 14 января 2002-го. Встреча с «читателем»	20
Дневник писателя 13 февраля 2002-го. Андеграунд? Свободен!	24
Дневник писателя. Недовязы?!	25
Дневник писателя 12 марта 2002-го.	26
Дневник писателя 12 марта 2002-го	27
Дневник писателя 2 апреля 2002-го.	30
Дневник писателя 2 марта 2002-го.	31
Дневник писателя 16 апреля 2002-го. Швыдкой сошел с ума	33
Дневник писателя 4 апреля 2002 года.	34
Дневник писателя 16 мая 2002-го.	35
Дневник писателя 20 мая 2002-го.	37
Дневник писателя 17 мая 2002-го. Откуда взялась «Илья- премия» (для тех, кто не знает), которая работает уже два года!	38
Дневник писателя Вокруг Ильи	39
Дневник писателя 21 мая 2002-го.	40
Дневник писателя 27 мая 2002-го.	42
Дневник писателя 30 мая 2002-го. Теряю	43
Дневник писателя 11 июня 2002-го. В поэзии виновен!	44
Дневник писателя 2 июля 2002-го.	46
Дневник писателя 29 июля 2002-го.	47
Дневник писателя 14 августа.	48
Дневник писателя 27 августа.	52
Дневник писателя 13 сентября 2002-го, пятница. Лихорадка	53
Дневник писателя 19 сентября 2002-го. Тепло, Морозушко, тепло, милый	54
Дневник писателя 17 октября 2002-го. Чужие письма	55
Дневник писателя 17 октября 2002-го.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Начистоту Книга писем

**Галина Щекина
Александр Дудкин**

Фотограф – фото на обложке (портрет Г. Щекиной) Александр Анатольевич Дудкин
Корректор Зоя Сергеевна Елизарьева

© Галина Щекина, 2021

© Александр Дудкин, 2021

ISBN 978-5-4498-9254-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневники

Галина Щекина. Писательский дневник июнь 2001-го. на Скансайте

Шеваров, который описывает юного доктора Дюкова, который вместо каникул работает в деревенской больничке и любит Соловьёва. «Белые крахмальные халаты здесь видели не чаще белых ворон». «Я везде возил эту пленку с собой и, когда скверно было на душе, в сотый раз слушал про дорогу дальнюю, и ночь лунную, белую акацию и маленький плот, который уплывал в мир счастья и покоя. А счастье и покой были с нами в ту июньскую ночь, когда я, корреспондент вологодской „молодежки“, вместо интервью со своими героями записывал зачем-то и эти песни, и эту ночь, и случайные разговоры за столом. Мне было хорошо с этими людьми и было жаль, что надо писать статью о деле, о проблемах, и мне никогда не удастся объяснить, почему так хорошо здесь, в двадцати километрах от северного городка Никольска... С уходом Эдика Дюкова дверь в ту июльскую ночь для меня закрылась... Эдик: „Здесь по-особому себя чувствуешь, есть некая миссия, которую ты выполняешь. И не потому, что мы здесь великие диагностики, взяли и пошли в народ, не надо об этом... Можем приехать, можем уехать, но общение с человеком, когда он видит заинтересованность в его жизни, никогда не пропадает напрасно. Здесь людям этого не хватает. Они много работают, но при этом каждый понимает – он винтик, как и раньше. А наше отношение он чувствует. Бескультурье, говорят. Нет, я не согласен. Вся наша культура – отсюда, с Севера пошла. К этому нельзя так: „Ах, глушь, темень...“ У нас, врачей, острая реакция, мы видим то, что, может быть, другие не видят. Здесь очень хорошие люди в душе своей... Соловьёв очень важен для меня. Я нахожу в нем опору своих мыслей. Его отношение к людям – высшее христианское отношение, нам это не дано, и не в смысле религиозности. У него работа есть интересная о Пушкине, закономерна ли гибель Пушкина... Он раненый привстал и стрелял, представь, он убил бы Дантеса! Как бы мы его воспринимали? В дуэли он отдался низким чувствам, мести. Он не должен был делать, как все...“ После Америки Эдик был одержим идеей больницы единомышленников и надеялся, что церковь ему поможет. Он мечтал о такой детской больнице, где высший уровень чисто медицинского лечения соединился бы с традициями русского милосердия, духовного врачевания. Незадолго до смерти Эдик оживил ребенка, у которого не было пульса. Родители принесли розы, которые быстро засохли, санитарка их выбрасывала, а он доставал из ведра и снова ставил их на стол».

Я не сравниваю. Я просто начинаю дышать и жить, поскольку есть ради чего. Мысль описывает круги и внезапно попадает в болевую точку. И я думаю уже о своем читателе, может ли он дышать после моих рассказов. Одна женщина после моей повести «Графоманка» попала в психдиспансер, я поехала туда, и она мне всё рассказала. Ее муж бил за стихи, а тут и я добавила. Ей не попался Шеваров! Но о том, сколько добра и зла в моей прозе, я не думать не могу. Это сначала пишешь на потоке эмоций, торопишься изречь, ну а после? Остынешь – приходится смотреть правде в глаза.

Г. Щекина. Писательский дневник

Когда написала «Графоманку», у меня было радостное мстительное чувство. (Вроде того, как я на всех конференциях поливала местный Департамент культуры, начиная с областного радио, кончая корреспонденткой радио «Свобода» Машей Ряховской. И эти поливания как-то доходили до главы департамента, и люди качали головой: зачем она нас позорит? А затем, что вы меня погубили! И не только меня...) То есть я понимала, что этой «Графоманкой» я пишу черную летопись. Но хоть здесь могла говорить правду. Первые муки и сомнения начались с Ольги Фокиной, знаменитой поэтессы. «Ты что, думаешь, у меня не было горя? – спросила она. – Было. Но я же не сую его людям в лицо».

А я сую! Я не глотаю свое горе, не давлюсь им, нате, другие, давитесь. Я ахнула. Люди захотят во мне черпнуть, а я им – р-раз! – наотмашь. Пришли в эту книжку, как к помощнику, а здесь – наоборот. Вот эта женщина в районе, Дина, видеть надо было, как она стихи читала, волосы тяжелые крутила на затылке и говорила свои стихи – целый час, может, больше. И никаких тетрадок, всё в голове, а тетрадки муж пожег, порвал, а ее напинал. И она не возмущалась. А разбитыми губами всё: «Люблю, люблю...» И она стала читать «Графоманку» и возмутилась всей собой – не за себя. Такие только чужое больно понимают, такие они, русские женщины. Она стала спину разгибать, наперекор семье идти, мужу военному, свекрови, и стихи записывала, и не скрывала, что про любовь. А в деревне так нельзя. У нее внутри одно, в жизни другое. Так что же? Как говорит Сопин, «сколько дерьмо (реактор) не заливай бетоном, всё равно рванет». Вот и рвануло. У Дины началась хворь. Ее начнут оскорблять всяко, по хозяйству утыкать, а она уже понимает, что они – ничтожества. И говорить им без толку. Она начинала задыхаться – это была такая ж а б а. Потом ее без памяти увезли на отделение. Я поехала к ней, она рассказала мне всё. Потом я долго отойти не могла. Думала, с ума сойду. Разве я помогла ей? Наоборот, сделала хуже. Она решила, что сможет пробыться, и не смогла. Так и бросила потом писать. Просвещенные эзотерикой люди говорили, что книжка «Графоманка» просто напитана негативом. Мои родные! Почитайте «Черное зеркало» Мамлеева и Павлова! Я против них цыплок неоперенный. Проблемы с прообразами. Не такие, как у милой Нины Горлановой. Наоборот, я успела написать героя по имени Упхолов («Ну и мерзкое имя, – говорили мне, – просто в горле першит!») со своего приятеля и дала ему прочесть черновик. Он стал смеяться, ему даже понравилось. А там такая как бы карикатура! Я говорю: «Ну что твои стихи валяются, дай я вставлю их. (Чем выдумывать поэта – вот же пропадает настоящий поэт). Всё равно ты не будешь их печатать!» Ладно. Вставила. А он умер потом, приятель. И все опять головами качают: как ты могла?! Без ссылки! Так разве я думала? А на родину поэта мне теперь приходится ездить, потому что надо же кому-то в библиотеке районной выступать. А он там в «Графоманке» таким алкашом представлен, что боже мой. Пришлось настоящую книгу делать с его наследием. И про другого писателя написала правду, но все говорят: если он это прочтет, его удар хватит. Лучше жди, когда сам умрет. А он же дорог мне, так что ж, я смерти ему пожелаю? Нет, лучше не писать, не печатать ничего. Так и не выпустила книжку, про приятеля из «Графоманки» помня. Кому нужна правда? Да бог с ней...

И так меня грызла совесть, что в следующем сборнике я выпустила рассказы совсем в другом тоне – «Ария», благодарность и примирение. Теперь думаю, совсем рехнулась, так прогибаться перед жизнью. В конце концов, я не просто летописец. Вот Руслан Киреев говорит, это, мол, физиологический очерк. Но это фон. Основное – это я. Я хочу о себе рассказать, но приходится, как той Дине, прикрываться образом. Не то напинают, а тетрадки пожгут. И я пишу повесть про художника-самодельщика, который не учился, а просто так, на порыве писал. И что из этого вышло. Почему художник? Люблю художников. Психология творчества – такая могучая вещь, ей невозможно не подчиниться. Я и подчиняюсь. Смотрю теперь

на эту «Графоманку» и удивляюсь: отчего они про негатив? Она же лучше меня, героиня, то есть это моя мечта – такой быть, только ее заставили не писать, а я не поддалась. Теперь я заканчиваю повесть про художника под названием «Благодарю», и меня ошарашивает: история повторяется! Опять! После «Графоманки» была умильная «Ария», а после пьяночной и наглой «Ностальжи» – опять, значит, тихое «Благодарю». Что же это такое? Вроде бы никто меня не заставлял каяться... А вот так вот! Знай свое место, писака. Может быть, у кого-то тоже такие казусы. А может, еще похлеще. Наверно, мудрость в том, что само небо заставляет меня соблюдать равновесие. Не Фокина, допустим, а нечто выше. Хотя Фокина это почувствовала раньше... А если совсем без масок? Что получится? Была не была...

18/07/2001 Вологда

10 августа 2001 года. Страна и я в одной канаве

Вся моя семья весной смотрела передачу про закрытие НТВ. А перед этим вся семья смотрела митинг в знак солидарности с НТВ. У меня было двойственное чувство: вроде бы всё правильно, наши победят, должны бы победить... Но не победят. Уже не победили. Они в панике, они слишком близко подошли к этой пропасти. В которую я падала тоже и упала еще раз. Только в мою честь никто митингов не собирает. Потому что масштабы трагедии не те. А ситуация та же самая. Несмотря на то, что трагедия произошла в самом тихом месте на свете – библиотеке. Второй раз вылететь с одной и той же работы – то же самое, что второй раз развестись с одним и тем же человеком. Кажется, всё уже знаешь, всё предвидишь. А когда тебя бьют, не ожидаешь. Когда я уходила в первый раз, никто не шелухнулся. На общей планерке сидели заведующие 20 филиалами библиотечной системы. Он знали меня, как энтузиаста по массовой работе, и перед этим спокойно выслушали мой восторженный доклад о творчестве писателя, и как его книги можно преподнести для читателей. А затем – сообщение о том, что якобы я, получив доступ к компьютеру, печатала на нем книги поэтов и использовала его как средство наживы. Какая от поэтов нажива – это еще вопрос. Но никто не стал спорить с официальным заявлением, что я воровка. И я, конечно, ушла. Зачем мне было оставаться с людьми, которые считают меня такой? Стило ли ради них всё это терпеть? Но гостиная в библиотеке мне буквально снилась. Произвол начальника разлучил меня с любимой работой, с людьми, которые любили ходить в гостиную. Я создала там пространство, в котором пересекались жанры, знакомились люди, совершенно необходимые друг другу. Поэты и композиторы. Писатели и читатели. Художники и покупатели. Барды пели. Дети получали новые представления. Усталые отдыхали. В общем... Пришлось пройти множество мест, откуда я вылетела еще быстрее. И вернуться обратно. Где-то не платили, где-то платили, но не делали запись в трудовой книжке. И главное – нигде, нигде не было праздника общения. И нигде я больше не могла соединить литературу и жизнь, понимаете? А там она соединялась сама собой. И я решила вернуться. Я была согласна не спорить, сносить унижения, лишь вернуть то чувство нужности, которое было потеряно невозвратно. И тогда меня выгнали во второй раз. Я сопротивлялась. Люди, которые любили меня, должны были наконец понять, что надо отстаивать право на нормальную работу и интересную жизнь. Неужели им легко было смотреть, как меня топтали? Но смотрели. Если в первый раз прошла такая туфта, то во второй раз средство было посильнее. Они взяли и закрыли гостиную. И сколько бы ни писали возмущенные читатели, что не согласны, – всё бесполезно. Закрыли, и всё. Понимаю, что это для видимости. Надо было меня убрать – убрали, и написали сверху: «Производственная необходимость». Но это ложь. Необходимость для администрации. Читатели ведь сказали иное. А почему так произошло? Почему личные амбиции начальницы поставлены выше, чем интересы читателя? Потому что она не терпит рядом с собой никого, кто с ней не согласен. Она требует единомыслия. А если его нет, сетует на отсутствие коллектива. А зачем Кабанихе коллектив? Для прикрытия произвола. Однако коллектив народился понемногу. Если в прошлый раз ВСЕ МОЛЧАЛИ, то в этот второй раз НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК выступили в мою защиту. И не то чтобы я так любила грубую лезть. Просто было видно, что они уже не так боятся.

А чтобы и дальше сидеть, смагивать оскорбления? Так нет – клуб, видите ли, Маша Арбатова засорила, иными словами, головы людям засорила, толкнула на вольнодумство. Люди дрогнули и вспомнили о достоинстве. И совершенно зря. Потому что месть свершилась. Меня вместо гостиной посадили за шкаф покрываться пылью. Люди остались сиротами. Я лишилась работы, которую лучше меня никто не сделает. Пришлось опять искать... Ну, хорошо, меня «ушли». Доказали, что я ничто. Я унесла ноги, а сама знаю, что будет с теми, кто станет сле-

дующей жертвой. С НТВ то же самое. И вроде всё ясно, и крыть нечем, лучше не смотреть друг другу в глаза...

Вчера вышла в областной газете «Красный Север» очередная статья вологодского писателя Василия Белова, где он поливает грязью всех подряд, и, в частности, хорошего человека, директора картинной галереи Владимира Воропанова (авторитет не просто областного, а международного масштаба). Люди хватаются за голову, Воропанов вяло отвечает на вопросы RENTV. В кафе вчера седой профессор, соросовский учитель, сидел с этой статьей сам не свой (он тоже в числе «заклейменных»). Всем стыдно, все понимают, что клиника налицо, все опускают глаза. Чтобы не смотреть друг на друга...

Дневник писателя. Мытарство 30 августа 2001-го

«Цель русского писателя – работать на благо России», – говорит председатель Вологодской писательской организации Роберт Балакшин, именно так называя себя и своих коллег, а не отделением Союза писателей России. Потому что это особые, отдельные писатели, не желающие быть частью общего. Сорок лет организации отмечено обширным интервью Р. Балакшина в «Русском Севере», где он снят молоденький, в косоворотке. Человек искренне верит, что он работает на благо России. Потому что вологодская писательская школа – оплот почвенничества и патриотизма. А то, что на пороге сорокалетия ни одного молодого соратника рядом, это ничего. На торжестве в честь сорокалетия вологодской организации в областной филармонии ожило кладбище: хор голосов пел о том, что РАЙисполкомы при старой хорошей жизни – это от слова «рай», АДминистрации нынешние – от слова «ад»... Вот проблемы у людей, любящих слова... А я – не организация, просто Галя Щекина, и я обиваю пороги, чтобы выпросить помещение для литературного объединения, которому тридцать лет, немного поменьше, чем титулованным писателям. Где только мы не заседали! В заводской редакции, в библиотеке завода, даже на проходной, потом снова библиотеки, кафе, культурные центры – и снова на улице. Потому что безарендно просим, а везде и у всех самоокупаемость. Двадцать человек, иногда больше, иногда меньше, но вечная тяга найти золотой абзац. Интерес друг к другу, к литературе. Много наших поступило в Литинститут, многие опубликовались в книжках и разных изданиях. Неважно. Сидите в подполье! Литобъединение и у Балакшина есть. Его ведет знаменитая Ольга Фокина – пожалуйста, господа, в уютный особнячок Департамента культуры, заседайте на здоровье. Но по нашим законам и правилам. «Потому что другое, если оно нам не нравится, не существует вообще». И вот я снова звоню и хожу, везде лишняя, ибо понимаю: если я их брошу, то кому они будут нужны, не известные миру поэты? Последняя наша акция – презентация книжки «Мед» 19-летнего Антона Чёрного (не псевдоним), потом три месяца бездействия. Сейчас последний хит – книга Веры Белавиной о Сопине «Нет, жизнь моя не горький дым». Она первая описала то, что никто не смог... И я не смогла! Лет семь назад написала черновик о нем, литературная запись авторской речи. И не могу издать. Говорят, это жестоко, это убьет его (ему 70). Почему? Потому что с нею Сопин проявил терпение, позволил делать что хочет, вникал в процесс. А то, что я написала, было отвергнуто раз и навсегда. Я должна ждать его смерти? В книге Белавиной Сопин велик и мудр, как Ленин. В моем переложении он и велик, и ничтожен, как все люди. Нет, конечно, я верю, что Вера искренна, но ей позволено, мне нет. (Не смог и никто из группы Балакшина). Будем ли обсуждать это и где? Мы – вне закона. Только за последнюю неделю отказали в трех местах!

Так, передышка. Кажется, директор городского ДК Зверева пошла нам навстречу: «Если будете выступать перед ветеранами». Да будем мы, будем. На всё согласны за пустой класс два раза в неделю. Я думаю, ну хорошо, я напрягусь и созову людей еще на одну акцию. Ну прочту еще десять рукописей, по году на каждую потрачу, если талантливо. Ну, три человека найду, достойных для союза. Ну, не брошу свое Лито. Чего бы мне ни стоило. Но всё равно это будничная работа, это не войдет в историю. Они не позволят.

Лет десять назад мы с Балакшиным совпали: в одном автобусе и в одной деревне картошку у фермера копали. Тогда мы, кажется, были равны во всем. Он даже шутил со мной, делился замыслами, весь простецкий, сощуренный такой, в драной куртке. Мы, наверно, даже годами одинаковы. А что теперь произошло? Мы были председатели разных союзов, говорю «были», потому что даже мои люди меня отвергли, те, которых я сама находила и любила. И что-то для них делала, книжки, рецензии, презентации, в печать, да и просто звонила, выслушивала, где заколодило. Меня мои коллеги по перу выбросили из председателей, и даже Света

Василенко перестала со мной общаться, не отвечает на письма... А вы говорите: эпоха Водолея, женщины займут наконец по праву свое место в обществе. А вы говорите: Бог испытывает тех, кого любит. Судя по испытаниям, да...

1 октября 2001-го. Как страшно быть! (прощание с Николаем Елсуковым)

«Как страшно быть! Не быть еще страшнее...» Это однажды сказала Ольга Эсхата, теперь ее слова вспыхнули бегущей строкой. Потому что его мама прошептала: «Всё хорошо, как ты хотел. Ты хотел умереть, ты добился...» Мама, поникнув, гладила огромного двухметрового сына по окаменевшей щеке, по сложенным на груди рукам, качала головой. На это оцепенело смотрели молодая в черном вдова и его сынишка, теребящий цветы. Бледный как стена стоял младший брат Коли, опора матери. Внезапный женский плач усилил всеобщую растерянность. Никто не мог ничего сказать. И правда, это страшно – уйти в 38. Беликов однажды сказал, что Пермь убивает своих поэтов – Бурашников, Гашев. А разве только Пермь? Вологда – то же самое! Он был третьим из моих друзей, сгоревшим от водки. Он был единственным, говорившим с сестрой Цветаевой. Для меня это огромно. Ездил в Москву, бродил около дома, удалось встретиться! Он узнал, что я сочиняю песни на стихи Цветаевой, и заставил меня записать их на кассету. Он эти песни любил. У меня осталась дома его оранжевая тетрадь с переписанными отрывками писем Марины Ивановны – говорил, что понимает каждую строчку, страдая от причинения ей боли – там, в прошлом. Написал об этом стихотворение, самое известное у него. «Москва. Февраль, сумятица и слякоть. / Да тут еще бессонница и снег. / Единственная мысль: уйти и плакать! – / В тот дом, в тот мир, в тот непонятный век... / Здесь жил Поэт, из стольких мест изгнанник, / И этот дом – душа его души. / Душа теперь свободна от страданий, / И в доме не осталось ни души... // Здесь бережно укладывались в строчки / Слова и слезы. Препрежнее тепло / Теперь куда уместней и желанней / Для этих стен, чем брошенный простор. / Исчезло время в бездне ожидания, / Ушел поэт. Окончен вечный спор...» Поэт Николай Елсуков оставил нам всего одну книжку стихов: «И сон, и бред». Туда вошло в два раза меньше стихов, чем было набрано. А ведь он говорил, что доверяет! Он всё время что-то отбрасывал. Картинку для обложки тоже нашел сам – рыбы и птицы плывут сквозь деревья. Обратимость среды? Его стихи резонировали на всё, что он знал и любил. В его творчестве были мотивы Цветаевой, римских поэтов, Бродского... Я писала о нем статьи, комментарии, но кому это теперь нужно? Знакомство наше попало на то счастливое время, когда у него, казалось, было всё: любовь, работа, творчество. И у него всё получалось. Хорошо работал по дереву, про таких говорят: столяр-краснодеревщик, золотые руки. Чинил всё очень быстро, от полки до мудреной детской кроватки. Он приходил ко мне с большой черной сумкой через плечо, там были толстые общие тетради, заполненные стихами: «Почитаешь?» Читала, перепечатывала, а он говорил: нет, это плохое, лучше вот это. Да, это был мечтатель, которого всё тянуло вверх. Он любил ходить не по земле – по крышам. Так и снят на фото в сборнике стихов. Может, он стремился в высокий слой жизни, в который никак не мог попасть? Женился на поэтессе. Буквально летал по городу, преображенный внезапным светом. На ладони (не на пальце) золотое кольцо. Но, наверно, он не был создан для семьи. С ним было тяжело жить, он мог молчать месяцами. Потом стал пить. Сломалось что-то. Да, ему дано было много. Талант любить, слышать музыку, музыку чужих стихов, музыку самой жизни... Писать!.. Его было за что любить, у него были такие романы – до женитьбы. Но... Куда, куда девалось всё это?! Ругал друзей, которые пьют беспроблемно, и всё же не мог от них оторваться. И друзья до сих пор живы, а он... Однажды ушел после размолвки бродить по ночным улицам и оказался в больнице – с проломленной головой. После этого катастрофы пошли одна за другой. Очень любил Коля Елсуков авторскую песню, часами слушал песни под гитару, уронив голову на руки. Ездил несколько раз на фестиваль авторской песни на реке Петух. От костра пошел к машине за пивом и пришел к рассвету – «там какой-то завод» (в глухом кадуйском лесу). В последние годы работал грузчиком на городском рынке. Я видела его только на днях рождения сына Дани, которого он

сильно и немо любил. Всё время покупал разные дорогие штучки. В компаниях сидеть уже не мог. Коля любил зарубежную литературу, особенно роман «Пена дней» Бориса Виана... и Анчарова. Ликовал: «Он выразил всего меня». Мы увлекались тогда стихами Лукина – Коля принес много музыки, и это было невероятно, как он всё угадал. Привел ко мне поэта Андрея Кокова, своего друга, уехавшего в Финляндию. Если бы не Коля, пожалуй, не было бы книжки Андрюши Кокова «Искушение ветром». Коля был ужасный, непомерный мечтатель. Он как бедный Герасим, у которого всё отобрали – большой, русский, неистовый и лохматый. Но у него всё было – и всё потерялось... Что же было с душой, которая чем больше жаждала, тем больше погружалась в темень? Хотел какой-то особой среды – и неизменно оказывался среди забулдыг. Любил он, любили его – и оказался один. «С любовью не получилось. Остальное – неважно». «Ты уносишь прохладу и запахи, оставляя тяжелую артиллерию... / При своем независимом статусе между пыльным окном и дверью. / Убываешь ты, удаляешься, впопыхах позабыв про главное, / Что деснице твоей карающей предстоит здесь работа славная... / Всё какие-то меры крайние, что-то вроде цветка и трактора, / И раскачивается здание аж от полюса до экватора...» Несколько раз приходил на Лито и демонстративно уходил. Люди взволнованно обсуждали его стихи, но он их вообще не слушал. Он как будто всё время писал одно и то же стихотворение. Жил в параллельном мире? «Два голоса на параллелях / Навечно – ввысь. / Нам никогда не разминуться / И не сойтись. / Мы свято верим в то, что знаем – / Огонь и лед. / А может, будешь ты чужая / Наоборот. / Два голоса на вертикалях / Не врозь, а связь. / Пусть не получится, сверкая / Уйдем смеясь. / Но нить тонка и связь непрочна / В людской толпе, / Сожмемся в атом, будем – точность / В одной строке. / Мы не расстанемся, расстаем, / Уйдем с луной / И на прощанье прочитаем: / «Мне нравится, что вы больны не мной». В его архиве вместе с огромной пачкой рукописных стихов обнаружили три затрепанных-зачитанных пресс-релиза Н. Сучковой, самой известной вологодской поэтессы из молодых. Был ли он фанатом Сучковой, не знаю, но сталкиваясь с нею в гостях или на концертах, он вряд ли помнил, что это именно она, не узнавал. Из его посвящения Сучковой: «Уходящие в строфы звонкие вырождаются – / Ведь осенние ночи поутру начинаются... / Лето кончилось, вот и осень уже кончается, / Что-то робкое и несмелое подбирается. / А листва под ногами стелется, будто спящая, / Будто не было, будто сгнули, / Приходящие – уходящие...»

5 октября 2001-го. Когда кончался век XX

Когда кончался XX век, мы задавали друг другу вопрос: «Какой будет культура нового века?» Одни говорили: искусство будет еще более сложным, другие – всё и так слишком усложнено, наоборот, скоро придет пора самых простых человеческих ценностей. Одни говорили: в технократический век мы нуждаемся в капельке тепла, а другие твердили, что только интеллект приведет человека к новым высотам. Разброс наших мнений, ернических и серьезных, хорошо отражен в сборнике «Культурный герой XXI века». А Наугольный тогда сказал: «Если культура вообще будет». Сегодня он говорит: «Ради чего ломали копья? Нет ее, культуры, нет литературы, чье влияние на мир ничтожно. Никто ничего не читает, во-первых. Смотрю на толпу упившейся пивом молодежи, День города, конечно, что им еще делать – только пьяной толпой ходить... Бить друг друга, уродовать. Это чернь. Она не способна понять». – Наугольный говорит с такими нервами, что я пугаюсь. А сами-то мы кто, не чернь, что ли? Но ты же сам говорил: «Водка – это красота, чистота, благородство... Мудрость!» Говорил? И пил. Я напоминаю Наугольному его же афоризм.

– Нет, я свое выпил. Просто Венечка Ерофеев и Липскеров с Павловым не могут на одной полке стоять.

– Ну и почему? Занятно, затейливо.

– Мне нравится Липскеров, который здесь и сейчас, а Ерофеев – это прошлое.

– Кроме того, зачем ты классифицируешь?

– Затейливое – не вечное. Холодное, путаное, не притянет. Татьяну Толстую провозгласили лучшей, по радио будут читать. Как же. Десять лет назад это было бы – да. А теперь это – так... Словеса. А славят. А ведь еще хуже делают. Отталкивают людей, кому еще не противно, кто еще верит. Вообще никого не останется.

– Но Павлов? Это страшная правда о нашем времени. Ему тоже не веришь?

– Да что Павлов! Это хроникер, публицист. Работает ради денег. Ради комфорта.

– Кто же не любит комфорт? Чтобы нормально жить, чтобы всё было.

– Я с тоской обзираю свою бедную заброшенную комнату. Кресла старые, диван еле держится, обоям лет десять... Да не надо мне, чтобы всё было. У меня знакомая как поговорит с матерью, как та настроит ее самолюбие, так знакомая хватается за кошелек, деньги бросается зарабатывать, ни-че-го не понимает. А сама – не такая. Как с матерью не говорит – так высокое понимает. Меня вызвали на семинар, кусок мне бросили, чтобы я уже не был свободен... Чтобы, что хочу, не говорил... – накаляет Наугольный телефонную трубку.

– Неправда, никто тебе не мешает. Ни к чему не обязывает. Говори ты что хочешь, специально тебя в Москву зовут, чтобы ты с подобными себе поговорил. Да еще, может, в журнале каком напечатают. Что ты всё наизнанку выворачиваешь. Когда меня в Москву звали, я ехала с огромным любопытством. Тем более что это быстро кончилось...

– А откажусь и не поеду. Назло. Не хочу быть обязанным, – гневается Наугольный. – И так свободы нет, а они еще больше перекрывают!

– Насчет брошенных кусков – это было, да и в «Графоманке» я про это писала, помнишь главу «Как их только не разорвет»? А где еще свободу тебе перекрыли? Сиди, пиши... только пиши. Чтоб этот вопль души не в телефон, а как-то письменно. Например, об этом социуме, который никогда ничего не поймет. Но это же не твое дело, твое дело – писать... Если можешь... Я вспоминаю, как занималась литературной пропагандой, и меня прозвали «культмассовым сектором вологодской литературы».

– Вот, писать! А зачем, если выхода к читателю нет? Архипов прав: у нас резервация («Резервация» – название книги Архипова). Вас загнали в ваше Лито в пятнадцать человек – вот и сидите. Вот вам все ваши границы!

– Ну и что? – Я грустно замолкаю. – Я поняла, что не состоялась. И отношусь к этому спокойно. Ладно, хоть мы с тобой говорим...

– Да что толку? – Наугольный еще больше горячится. – У меня такая смута... Мало говорим-то! Надо больше, дальше, громче... Интервью какое-нибудь...

– Хорошо, я возьму у тебя интервью как у молодого писателя России, которого пока не слышат... Который едет на семинар в Москву... Но где его печатать? Негде. Даже при условии, что у меня две подруги – одна в «Красном Севере», другая в «Русском» – это невыполнимо. Никому не нужно. И то, что поэт умер в 38, и то, как книгу новую обсуждаем – никому. – Я стихаю почти до шепота.

– Вот! А говорите – свобода. Где она? Нет ее.

– Ну, не знаю. – Мне явно крыть нечем. – Давай в рубрику «Дневник писателя» на Сакан-сайт. Кому не всё равно, увидит. Услышит. Только ты формулируй четко. Это всего лишь завязка.

И далее горячий монолог о том, как понятен Раскольников! Почему хотелось хохотать при виде прыгающего крючка. Понятна драма прыгающего крючка. Потому что слава ломилась в дверь! У Достоевского гордыня, да, но ему есть чем гордиться. Он сильно писал. Он памятник себе воздвиг нерукотворный, мрачноватый, правда, в виде двух убитых женщин. У Пушкина – тайная свобода, у Блока – тайная свобода, а у Наугольного – что?

– Иногда я чувствую свою судьбу, – говорит Наугольный. – Идти за Пушкиным? Не знаю. Но идти надо.

Так он говорит, а я боюсь, что он запыет, не доедет до семинара в Москве 14 октября. Рассказ ему напечатать? Может, тогда не запыет?

Дневник писателя. 19 октября 2001-го

Другой мир, другое все.

Во Дворце творчества детей и молодежи прошел потрясающий конкурс чтецов. Для меня это сильнейшее испытание. Корневики и деревенщики, составившие славу вологодской литературной школы: Белов, Романов, Фокина, Рубцов, Яшин, Леднев – вот авторы, которых читали наизусть школьники. И не строчками! Страницами! Наизусть! Со слезами на глазах! Я не отношусь к поклонникам вологодскости, и не потому, что разные союзы, а просто скучно. Саканский однажды смешно напомнил про Ромуальдыча, который заколдобился. Так этот Ромуальдыч точно был бы счастлив, как был счастлив Мануил Свистунов, который проскрипел в микрофон: «Ди-и-вный конкурс!» И так три дня. То рубцовское «Живу напротив храма», где стирают женщины белье, то фокинская нетопленая печка, то яшинский поезд, где покупают кулечек влажной клюквы, то ледневский царь, заставляющий хромого Ивашку играть камаринского на колоколах. И по десять—пятнадцать раз одно и то же. Известный стих Рубцова «Вологодский пейзаж» прозвучал чуть ли не двадцать раз! Это большое испытание даже для тех, кто очень любит поэта. А уж для меня, поперечной... Честно говоря, просто выучить стих для маленького первоклассника – и то подвиг. А уж рассказать его выразительно, не боясь оторвать руки от тела – и вовсе трудно. Потому можно представить, какую громадную работу проделали педагоги, готовясь к этому конкурсу! Но я не о том, я о самих текстах. Почему они это выбирают? Их же никто не заставляет! Они сами выбрали, сами захотели. Значит, нравится людям! А мне нет! Ну и зачем, казалось бы, делать из этого трагедию? Но я всей шкурой почувствовала ужасающую несправедливость этого простого факта. «Я пишу не хуже, – говорила я себе, – не хуже. Просто у меня не было тысячных тиражей и меня никто не знает». И я примерно слушала, тарасилась и выставляла баллы, торчала в этом жюри, билась, сопереживала. Но чем больше я сопереживала, тем больше подкатывало к горлу. Почему не я, не та же Сучкова, которую хвалят в Москве, в Литинституте, а у нас даже не печатают! Не Кузнецова – такие хорошие у нее стихи пошли! И в Шукшинском конкурсе она побеждала... Да я не против Яшина и Рубцова, просто я тоже есть, но я должна сидеть и только ставить баллы! И всё! Ольга Кузнецова мне с улыбкой сказала: «Да не будут они нас читать, Галя!» И от этого мне стало еще хуже. То есть никто даже не возражает вообще. Да почему опять? «Потому, что была система, – говорит Оля, – госкнигоиздание плюс пропаганда по всем школам, детсадам, библиотекам. И это в течение сорока лет! У них было схвачено всё. А ты занималась пропагандой всего десять. И в одиночку. И результата никакого». И я сразу как-то устала. Я рассеянно отсидела этот конкурс, только одному из организаторов, Шахову, сказала: «Надо и ДРУГИХ!» – «Да, – подхватил он, – сам знаю. У нас целый шкаф новых авторов. Ты дала нам Гальского – мы его поставили на сцене. Тебя хотим поставить. Вот Наташа Бурлова будет читать твою Басю...» И да, была потом моя Бася. Настоящая такая, с глазищами. Целый рассказ выучила, непостижимо. Я даже держала ее за руку. Но этого было мало. Одна Бася сражалась с моим унынием за тридцать талантов, которых никто не знает! Нет, вру, не одна. Там еще четырех авторов из новой обоймы читали. Но Шахов хочет, чтобы новые авторы сами приходили в народ. И я заставила прийти четырех человек, но они ничего не смогли прочесть. Дети маленькие, поутомились, всё смотрели на дверь, хотели есть, уроки не сделаны. И мне поэты кучу всего высказали! Нет, надо не так. Не так. Надо создать каналы, по которым это новое шло бы постоянно! А впрочем... Разве мне это под силу?

Дневник писателя 12 ноября 2001-го. Кто я?

На днях состоялась пышная презентация второй книги 16-летней поэтессы Леты Югай. Стихи хорошие для ее возраста, читаны не однажды на городском конкурсе чтецов, на различных вечерах, печатаны в журнале «Мезон», в газетах. Я всегда с радостью смотрю на такие явления, единственное, что меня бесит – это хождение везде с мамой. Народ посмеивается добродушно: маленькая еще. Я возьми и скажи им обоим об этом. Говорю: пора уже самой ходить на Лито, на вечера и так далее, Цветаева, сами знаете... Пригласила на Лито обсудиться, а у нас там ведь жестокая критика бывает. (Накануне мой рассказ разнесли просто в ключья: «и композиции нет, и что с героями делать, не знаешь, и описаний слишком много, и на фиг тебе сдался инцест, коли нет личностного опыта», в общем, надо забыть, как страшный сон). Лета согласилась, пришла, без мамы, обсудили серьезно, со всеми минусами, она парировала, спорила, улыбалась, еще сказала, как съездила в Питер, выступила в «Бродячей собаке», где выступала когда-то Анна Ахматова. Короче, понятливая девчонка, не какая-нибудь мямля. Понятно, что деньги папы плюс энергия мамы дают свои плоды. Но всё же. Тут на днях Лета позвонила и попросила, чтобы я выступила на презентации ее книги «Сиреневый лес». Я согласилась. То, что было на презентации, не поддается описанию. Там был замглавы областного Департамента культуры Чирьев с таким букетом! Метр в поперечнике. Дальше – больше. Сотрудник обл. картинной галереи Дементьева – искусствовед и важная фигура! Известная всеми уважаемая личность, педагог и просветитель, руководитель кружка литературоведов Канунникова! И с ней двадцать человек юных литературоведов. Директор Музея забытых вещей Касьяненко! Классный руководитель Леты: мне повезло с классом и ученицей. Все чуть ли не плачут от счастья. Завалили цветами. Мол, это наша звезда и всё такое. Бедная девочка, где ей понять, что это цветы не ей... Что касается меня, то мне выступать не пришлось: меня поймал высокопоставленный папа и запретил открывать рот: «Нам не нужно ваше выступление, молчите. Дочь не обидится, я сам разберусь». – «А если я – представитель журнала, мне материал нужен? Вы думаете, что можете мне так сказать?» То есть папе на мощной раскрутке никак нельзя демонстрировать персону нон грата. То есть меня. Кто я в их глазах? Я пришла домой и стала рассказывать. У меня было странное состояние, мне хотелось что-нибудь разбить. Муж стал говорить, что они меня так боятся. Девчонки забрели на чай, стали смеяться. Но больше всего смеялись дети. Мама – шухер. Мама – Кинг-Конг. Смеялись, пока не закашлялись и чай не поразливали. Вот и всё. Конец фильма.

Очередной мой провал – в конкурсе спортивного рассказа на «Спорт-Экспрессе». Номинатор обозвал мое произведение соплями. Я посмотрела – а какие страшные там рассказы на конкурсе, сколько негатива. Саканский вообще ненавидит спорт, и правильно делает. А я среди участников одна женщина. Куда полезла, в самом деле. Подумала, что необязательно черепа крошить, подумала, что околоспортивное тоже пойдет. У моих героев спорт не на первом месте в жизни, зато он по-своему раскрывает людей. Оказывается, надо всё не так. Не то что призового места не будет, а и в финал не вошла. Остается утешение: Александр Нилин единственный готов отдать и вторую руку, но не для того, чтоб ее отрубить, а чтобы голосовать, что рассказ написан одаренным человеком. Плохо относится ко мне Евгений Козловский из «Компьютерры». В общем, время обломов. Дописываю новую повесть и с дрожью думаю о том, на что ее издавать. Где выпросить три тысячи, не понимаю. (Столько долгов. За обучение в институте еще не всё отдали. За ремонт антикварной виолончели.) А если не издавать, зачем я пишу тогда? Говорят, с такими мыслями нельзя заниматься творчеством. Но мое творчество не боится и более грубых мыслей: почему мужики не привезли мне обещанную картошку, три мешка, потом хоть можно будет сказать, что вот, помогли писательнице выжить. Почему мои дорогие мужчины поставили на машину Wind 2000 вместо Wind 1998, при этом вырубился

сканер, без которого я не могу жить. Это что, мужской шовинизм или нет? Ясно одно: если к ним придут биографы и спросят, какова была писательница в быту, они скажут: капризничала из-за всякой ерунды типа Wind 1998.

Дневник писателя 14 января 2002-го. Встреча с «читателем»

Отчет студентов 1 курса журфака Вологодского педуниверситета о встрече с Галиной Щекиной

С. Галыгина Вечный источник?

Считаю, что именно так можно назвать Г. Щекину, она вечный источник энергии и творческого начала. Это почувствовалось с первого момента ее появления в аудитории. Женщина невысокого роста с ярко накрашенными губами и в длинной широкой юбке, с кольцами в ушах, похожая на цыганку. Может, от этого показалось, что в ней энергия бьет ключом... За внешним разбитным видом я увидела непростой жизненный путь. Экономический факультет Воронежского университета, работа в Краснодарском крае, нежелание ехать по распределению, всеобщий розыск. Михаил Анчаров, поманивший сверкающим миром, – тут начало новой жизни Г. Щекиной. Так зажигалась новая звезда. Но она себя ею не ощущала, не знала, долго ли ей гореть. Ее увольняли из десяти организаций, не печатали в газетах, а Белов посчитал произведения эротическими. (Так он обозвал газету «Свеча», которую я издавала с 1993 по 1997 гг. – *Г.Щ.*). Так о чем она пишет? О человеке, и человеке творящем, о том, чья душа тянется к чему-то, о том, кто пытается догадаться, для чего создан. Отвечая на вопрос о реальности персонажей: почти на треть Бася списана с Гали, но, по признанию писательницы, Бася лучше... В заключение можно отметить, что Г. Щекина – индивидуальность. Ее жизненная позиция и главный принцип «не спать на ходу» сочетаются с прямолинейностью характера. Не это ли мешает ей в жизни? А может, помогает?

Наталья Писарева. Ее мечта

Люди творческие – странный народ, каждый со своими тараканами в голове. Г. Щекина тоже своеобразный человек. В ней удивительным образом сочетаются умение расположить к себе людей и некоторая грубость, бьющая ключом энергия и моментальные спады настроения. У таких людей, как правило, сложная судьба. Родилась в Воронеже, окончила экономический факультет. В 1979 году переехала в Вологду и работала по специальности на заводе. Но ее всегда тянуло к литературе. А на ее творчество большое влияние оказала поэзия Марины Цветаевой и Иосифа Бродского. (На меня лично – да, но тексты с этим никак не связаны. – *Г.Щ.*). Она написала пять книг, среди них наиболее известны: «Бася и К», «Графоманка», «Фоменко» (Первый раз слышу. – *Г.Щ.*), «Тедиум, или Большое ностальжи», «Мелисса». Главная тема ее творчества – человек творящий, чаще всего это женщина, которая пытается найти свое предназначение, понять, для чего пришла в этот мир. В конце беседы Галина рассказала о своей мечте: тихая комната, легкие занавески на окнах и... компьютер. Чтобы творить. Она мечтает заниматься любимым делом, мечтает дарить людям свои книги.

А. Заварина. От Будулая до Лолиты

Ее речи, сложенные из заразительного говора украинки и здравомыслия россиянки, способны разбудить Везувий. Речи осыпают неожиданной лавиной энергии тех, кто находится в радиусе хорошей слышимости, – и кто ею восхищается, и кто называет нехорошими словами. Она не любит людей-огурцов, сидящих и не взаимодействующих с миром, не терпит следовать правилам, не считает, что шокинг привлекает людей к литературе. Это всё Галина Щекина. Заканчивая по воле родителей экономический факультет Воронежского университета в советские годы, Галина всегда мечтала быть журналистом. Еще в детстве родители прятали книги от маленькой фанатки литературы, чтобы вконец не потеряла зрение. В результате, узнав Михаила Анчарова, «живущего по тем же законам, по которым и пишет», а также увлеченная чтением Марины Цветаевой, чувствует духовный подъем (Да наоборот, я увлеклась ею уже после того, как стала писать! – *Г.Щ.*), Галина начинает писать около 1985 года, писать и прозу, и кри-

тические статьи. Оттого ли, что мир слишком сложен или однообразен, но Щекину не печатают в газетах, не задерживают на рабочих местах. Или она отступает от норм обыденности? Галина Щекина – личность, не встраивающаяся в общество. Многие считают, «она пишет для тех, кто любит Будулая», сама она этого не отрицает. Однако «душа человека тянет, и он пытается узнать, для чего он создан». На основе этого написаны все произведения Щекиной. Последняя повесть – вариант новой «Лолиты». Ей 17, ему 58. Свет еще не раскритиковал это произведение, так как у автора нет денег на публикацию своего детища. Что касается ранних работ, то это «Мелисса», «Графоманка», «Тедиум, или Большое ностальжи», «Бася и К». Кстати, Бася на треть списана с автора. Не имеющая друзей девочка начала писать дневник, который стал ее единственным единомышленником. В повести «Бася», кроме Щекиной, есть и другие реальные прототипы. Ныне Галина Щекина – сотрудник журнала «Мезон».

Анастасия Филатова. Стук сердца плюс ноутбук

Г. Щекина родилась в 1952 г. в Воронеже. В детстве любила читать, проглатывала буквально всё. К сожалению, девочка ослепла, зрение удалось восстановить только на 60 процентов. Но, несмотря на это, на запреты родителей, маленькая Галя продолжала увлеченно читать. «Выбор» литературы для столь юного существа был поразителен – Гюго, Мопассан, Сабатини. Цветаевой она обязана духовным ростом. Неудивительно, что Галина мечтала стать журналистом, но по настоянию родителей пошла учиться экономике, которой и отдала впоследствии 15 лет жизни. В 1985-м начала писать, из-под ее пера выходили проза и критика. В литературе нашла отражение вся Щекина. Она – натура деятельная, кипучая, и вскоре за ней ходили толпы людей, интересующихся литературой. Поэтому ее увольняли из десяти культурных учреждений «за грязные полы, слишком много людей ходило». У Галины мама и бабушка – донецкие хохлушки. Она яркая и эпатажная личность. Творчество ее оценивают по-разному. Кто говорит, «культмассовый сектор вологодской литературы», кто, как Василий Белов, обзывает непечатным словом. Но она слишком любит свое дело, чтобы обращать внимание на подобные оценки. «Я называю себя просто литератором». А другой она стать и не может с ее главным принципом жизни: «не спать на ходу». Думать об успокоении бурного темперамента? Зачем? Она тем и ценна, что «не такая». Щекина написала (перечислено пять) книги: сборник стихов «Чудовищный цветок», «Бася и К», «Графоманка», «Мелисса», «Тедиум». Были попытки работать на радио, три года писала о театре, объясняя тем, что любит «многократное преломление». Она появлялась на телевидении, но в данное время – староста редакции «Ступеней» (На самом деле староста литартели «Ступени», работала в библиотеке, теперь сотрудник редакции журнала «Мезон» – Г.Щ.), а также организатор Клуба феминисток. Насчет этого понятия, естественно, имеет свое мнение: «Феминизм – не унижение мужчин, не пугало, не движение, а взгляд на вещи, близкий к гуманизму». Неожиданно, но не лишено оснований и оригинально. Сейчас писательница работает над повестью с рабочим названием «Благодарность», где главная и неисчерпаемая тема – любовь. Выход книги, безусловно, должен стать событием, жаль только, что слишком мало средств для ее публикации. Это несправедливо, но хочется надеяться, что эта ошибка кем-нибудь исправится. Талант должен быть вознагражден и признан читателем. А пока Галина Щекина не обращает внимания на сплетни и всю жизнь «слушает первый стук сердца», пока на плите кипят четыре кастрюли. Обычная женщина. Ее мечта – шелест листвы за окном, одиночество и компьютер, «а лучше ноутбук!»

М. Йогман. Без отчеств

Говорят, журналисты и писатели не имеют отчеств. Когда Галина Щекина полностью представилась и рассказала о себе и своей творческой жизни, ее действительно трудно было бы называть по имени-отчеству, такой оригинальной и располагающей к себе оказалась писательница. Немыслимо, но серьезно сочинять Галина начала лишь в 33 года, а до того получала образование и работала по специальности. На ее счету такие книги, как «Чудовищный цветок», «Бася и компания», «Графоманка», «Мелисса», множество критических статей. Она

член Союза российских писателей, объединения, которое сама же и организовала. «Бася и компания» – любимая книга писательницы. Это автобиографическое произведение, около трети Баси списано с маленькой Галинки – про детей и для детей. Галина Щекина не перестает надеяться, что «Бася» поможет детям научиться жалеть, ведь героиня книги – маленькая девочка, которую никто не любит и не хочет с ней дружить.

Наталья Коносова. На ходу пишет книгу

«Можно?» – извиняясь, спросила я. «Вы даже и не спрашивайте, проходите», – последовал ответ Щекиной. Я села. Смотрю, все конспектируют. Достала свою тетрадь, приготовилась... и отложила. Что она человек увлеченный, «больной» своим делом, я почувствовала сразу. Ее речь была очень жива, не подготовлена и завораживающа. Мне подумалось: «Она на ходу пишет книгу, раскрывая нам ее содержание и замысел, разрешает править... вопросами».

Я люблю знакомиться с новыми людьми и слушать их, иногда с интересом, редко с восхищением. Щекина тот редкий случай. В ней какая-то детская легкость, открытость и искренность в сочетании с глубинным взглядом на мир, серьезной вдумчивостью. У Щекиной удивительная судьба. В детстве мечтала стать журналистом, но по настоянию родителей ушла в экономику. Однако любовь к слову не угасла, работая с бухгалтерскими ведомостями и расчетами, она взяла свое. Какое-то время родители прятали от нее книги (были серьезные проблемы со зрением), но она находила и тайком прочитывала. Ее увольняли, отказывались печатать, в ее адрес звучали нелестные отзывы. Но она человек действия – не ждет благосклонной улыбки судьбы и упорно работает над собой. «Главное – не спать на ходу, не люблю людей, которые живут, как огурцы в теплицах». Это ее принцип жизни. Не считает она себя ни поэтом, ни писателем, ни журналистом, она – литератор.

Для нее значимо имя Цветаевой. С ней перекликается главная тема – человек творящий, чаще это – женщина. Женщине-творцу посвящена повесть «Графоманка». Главная героиня Ларичева не витает в заоблачных высях: ходит на работу, решает бытовые и семейные проблемы, общается с разными людьми, пишет ночью. Она стоит перед выбором: графоманство или «нормальная жизнь без загибов». Образ Ларичевой уникален своей повторяемостью и неповторимостью, женщины узнают в ней себя, сочувствуют ее обломам, проникаются житейскими радостями, приключениями. Другие прочитали бы в этой истории типичное столкновение двух миров и существование творца между ними.

Язык произведения своеобразный, легкий и выразительный. Я спросила ее: «Как и под каким влиянием сформировалась манера писать?» Ее ответ подтвердил знакомую истину: «Чтение – самая формирующая вещь! Только читая человек может писать и открывать для себя новое». Она много читала. И своей настойчивостью и бьющей энергией пугала добросовестных работников библиотеки. (Вот правда так правда! – Г.Щ.). Ее волнует реальная жизнь в ее неприглядных формах. Она не может не записывать услышанные истории, разговоры. В ее рассказах человека могут унижать окружающие, давить обстоятельства, могут даже уважать или завидовать, усмехаться за спиной, а также остаться равнодушным. Неудивительно, что литературу потока сознания, яркая представительница которой В. Вульф, она считает идеальной. (Поток сознания – это Нарбикова и Садур, говорила я, и это мне близко, а феминистка Вирджиния Вульф с ее психологизмом и английской строгостью, может быть, идеальна, но не для меня. – Г. Щ.). Писательница произвела на меня впечатление человека, не любящего загадывать, строить планы на будущее. Она живет сегодняшним днем и радуется тому, что есть, не хочет большего. Разве только тихую и уютную комнатку, книги и компьютер для работы.

О. Игнашова. Встреча

Каждый из нас в той или иной мере интересуется литературой. Кому-то ближе стихи, кому-то проза. Наша область – литературная точка России. Среди поэтов и писателей края есть неизвестные имена. Среди них литературовед (?) Галина Щекина. Жизнь творческих

людей всегда сложна и интересна, у них свой мир. Как правило, писатель не всегда оканчивает литературный институт. Вот и Галина стала экономистом, хотя стремилась к журналистике. Были в жизни страшные моменты: детская слепота, одиночество, постоянная борьба с эгоизмом и злом. Всё это нашло отражение в ее произведениях. Бася не находит понимания в обществе, друзей нет. (Почему нет? У Баси целых три подружки, да еще Король. – *Г.Щ.*). Повесть автобиографична, но Бася лучше, – считает автор. Видимо, человек привыкает к одиночеству. Галина любит состояние грусти, ей нравится в комнате одной с компьютером, в этот момент рождаются лучшие строчки. К тому же Щекина отлично рисует. (Одна только мини-форматка с авторскими рисунками, в остальных рисуют настоящие художники. – *Г.Щ.*). При встрече Галина Щекина показалась слишком раскрепощенным человеком. Она могла говорить на любую тему. Но все-таки возникало чувство, что это не та Г. Щекина, какую мы знали по книгам. Может быть, под маской веселья и равнодушия скрывается одинокая женщина. Сейчас Щекина литсотрудник журнала «Мезон», член Союза российских писателей, староста «Ступеней». Ее творческая жизнь не кончается, новая повесть «Благодарность» готовится к выходу. Смысл своего существования Галина Александровна сводит к тому, чтобы прожить не зря. По-моему, это ей удалось.

Надежда Игумнова. И критика нужна

Бойкая темноволосая женщина быстро вошла в аудиторию. Бросила на нас взгляд темных жгучих глаз и приступила к беседе. Это была Галина Щекина, известная в некоторых кругах вологодская писательница. В 90-е годы, когда всё рушилось, в Вологде возникло две писательских организации. Одна была под председательством Г. Щекиной – вологодская организация Союза российских писателей. Председатель другой – Роберт Александрович Балакшин (Союз писателей России). Что касается Щекиной, она интересный разносторонний человек, стоит отметить, что любит критику. В ее адрес брошено много реплик, в том числе Белов обзывал ее непечатными выражениями. Сама же Галина в прошлом году писала рецензию на политический (Такого не было! Поэтический! Настаиваю! – *Г.Щ.*) альманах кадуйских авторов. Один из них – Артём Кулябин: «Думаю, она пренебрежительно относится к творчеству некоторых молодых поэтов. Она намеренно исказила названия моих стихотворений, указала на дидактизм. И сказала о том, что такому молодому еще не следовало бы кого-то учить. Цитирую Щекину: „Очевидно, властителем дум автора являются поэты типа Рубцова...“ – увы, именно так она сказала обо мне». Да, у Артёма остались о Галине не очень хорошие впечатления, но критика необходима творящим людям. Что касается творчества самой Галины, она пишет очень много и основная тема – человек творящий. Персонажи произведений реальны, частично вымышлены. Ее любимое произведение – ряд рассказов о маленькой Гале. (Басе! – *Г.Щ.*). Написано специально для детей, воспитания характера. Главный принцип – не спать на ходу. «Никто не хочет прожить жизнь зря, и я не исключение», – отпарировала Галина и, покинув нас, пообещала прийти снова...

Дневник писателя 13 февраля 2002-го. Андеграунд? Свободен!

Осенью в Санкт-Петербурге в арт-подвале «Бродячая собака», в котором когда-то читала стихи Анна Ахматова, прошли дни вологодской культуры – там можно было видеть музыкальное представление на стихи Северянина, Клюева, Рубцова, спектакль по песням Вертинского (который опять же когда-то дебютировал в «Бродячей собаке») – это наш камерный театр Якова Рубина, еще были картины Наталии и Сергея Лаврентьевых (переключка с Филоновым), концерт Владимира Сергеева, стихи Леты Югай...

Группа молодых вологодских поэтов решила тоже попробовать счастья и выступить в «Бродячей собаке». Администрация им ответила: давайте рекомендации известных людей, Фокиной, например. Обратились к Фокиной. Ольга Александровна написала на одного из четверых поэтов загадочную историю про овощи на грядке (специально?). Когда я читала ее, у меня волосы дыбом встали. Причем этого поэта я знаю прекрасно, это – большой талант! Медведева из фонда «Илья-премия» прислала рекомендацию прекрасную. Но в выступлении ребятам отказали: они действовали не через департамент культуры. Не удивляет меня это. Государство всегда враг нового искусства. А потом спустя сто лет в учебнике напишут: в это время жили и творили такие-то. Удивляет дирекция в Питере, хочется у них спросить, через какие департаменты к ним пришли Ахматова и Вертинский? Вот поистине позор на всю Россию.

В моей повести герой Тимоша Тесков мечется между любовью и творчеством. Он – художник и пишет то, что любит, природу. С любовью всё его творчество перечеркивается. Принято считать, что любовь помогает творить, а творчество – воплощение ее и, в свою очередь, возможность еще большей любви... Тимоше не так повезло. Как только он пытался найти свое «я», подворачивалась очередная знойная женщина. Но, падая в любовь, он опять был отброшен назад в творческом смысле. Так и прожил всю жизнь. У нас на Лито кто-то сказал: «Счастье может мириться с унижением», – и все закричали, что чушь. Но это – не чушь. Просто любовь от этого кончается, если живучая любовь – дольше будет агония, и это окончательно вышибает человека из колеи. А человек же и так боится... Может, может она мириться с чем угодно. И Тимоша, он это на себе проверил... До красок ли здесь, до палитры ли...

Дневник писателя. Недовязы?!

Я читала книжку Саканского, и мне казалось, меня предали. Я люблю Саканского и верю ему. И совершенно напрасно! Во всех его коротких рассказах стоит конкретная задача, и она выполняется с блеском. Очень четкая композиция, и очень подогнаны винтики. Финал совпадает с кульминацией. Невозможно оторваться. В книжке «Когда приходит Андж» ткань нарочно не организована в единое целое. Начало первой части роскошное, потом всё свернуто и выброшено. Саканскому не надо читательской любви, он властвует, но разделяет. Блестящий стилист! Это верно. Он пишет так, что зубы скрипят от зависти, и деревья качаются окрест. Но ради чего он ТАК пишет? Господи, ответь мне – зачем, если Саканский только тихо смеется? Неужели я, провинциальная графоманка, смею критиковать самого блестящего стилиста? А как еще расценить этот спутанный клубок эмоций, мыслей, чувств? Интеллектуальные недовязы. Ему влом работать с этим. Он предоставляет читателю догадываться. Но, может, я просто тормоз и не догоняю простых вещей? Нет, догоняю. Там есть живое место в этом «Анже». Любовь. Он изгнанник, отвергнутый, и ему остается только щелкать пальцами по клавиатуре. Вот оно что. Если бы не это, он бы стал другим. Это версия Саканского, одна из версий его самого, одна из версий на тему любви и творчества. Проклятая любовь, которая скручивает человека в бараний рог. (Неполная версия). Отсюда издёвки. Начнет одного героя писать – бросает. Или убивает, или превращает в другого. Сначала их понимаешь, их ценишь. Потом привыкаешь к химерам и всё пофигу. А сколько красоты и нежности было в начале! А потом? Как будто писали разные люди.

Я в смятении спросила критика Фаустова, почему в повести много издевок и много... дерьма? Критик Фаустов, сочувствуя моему смятению, сказал, что это признаки постмодернизма, но говорить об этом так же неприлично, как и о дерьме. Я позвонила приятелю, прозаику Наугольному, который как раз вовремя вышел из запоя, и попросила его прочесть. Он обещал...

Дневник писателя 12 марта 2002-го. Чтобы плесенью не покрыться...

После визита в Москву впечатлений тьма. Конференция по гендерным вопросам в Доме журналистов у Ажгихиной. Когда я узнала, что это не литературное мероприятие, все разочарованно вздохнули. Но я упорствовала, ведь еще немного, и я покроюсь плесенью от неподвижности. Я понимала, что могут не оплатить дорогу, меня там никто не ждет теперь, при правлении Тайгановой. Но взяла себя в руки. Мне понравились доклады Гошило из США (хотя умственная игра в дочки-матери – вычурно), из Литвы, из Грузии, Узбекистана... Ислам – это значит посадят феминистку на осла и вперед, под плети. Ужас. И на фоне этого некоторые так и говорили: а вот мы героини, мы бьемся над самиздатом... Мы героини – нас три человека в Вологде, которые болеют за литературу... Стыд. А я на конференции действительно неплохо выступила, и Ажгихиной понравилось, и Василенко, и они оплатили дорогу. Идея самоцензуры: как мы сами себя привыкли опускать, так и в статьях, и в книге выходит. Не очень-то привлекательный образ женщины создают наши женщины... Да, «любит у нас Галя отрабатывать котлеты». Не то что некоторые: просидят четыре часа и не пикнут, а на фуршете крутые. Когда жульен подают.

Другое – познакомилась с Ракитской и хотела с ней прийти на конференцию. Но Василенко сказала: «Только попробуй». У них старые счеты. А жаль. Ракитская бесподобна – сама поэт, муж поэт, и при этом издательство не загнулось. А какие книжки классные стряпают! Мне просто завидно стало. Ракитская говорит: я страшная. А сама такая обаятельная, черноглазик. Суровый муж Богатых «не любит людей». Дал мне рассказ «Сучья власть», говорит, был в Вологде. Попробуем встретиться в Вологде...

Интересно на семинаре Г. Седых в Литинституте, я пошла туда из-за О. Нечаевой (ассистентка). Умница невероятная. Мне б такую на наше Лито. Вообще, мне как старосте Лито полезно знать их технологию. Выступают меньше, но глубже. Алка ходит с москвой по аудитории. Девушка грохнулась в обморок – сразу полсеминара Рейна убежало. Едят пирожки на занятиях – я это не разрешаю. Но, значит, расписание худое. Сучкова плохо себя ведет на уроках, всё болтает с Долинской. Я бы их выгнала. Унижают других невниманием. Першин записывал слово в слово за Нечаевой – этим заслужил мое одобрение. Но зато говорила Сучкова дело. Заглядывала в дверь Т. Бек, я чуть за ней не побежала. В конце девушка рассказывала про молдавские праздники и давала фенечки красно-белые. Скрипки жалобно пели, а я думала, что неужели ничего не напишут про это? Вот интересно...

Дневник писателя 12 марта 2002-го

СИНДРОМ САКАНСКОГО. Мысли Андрея Наугольного по поводу романа Сергея Саканского «Когда приходит Андж»

Андж – возможно, Надежда или Джан, что означает по А. Платонову – душа, которая ищет счастья /туркменское народное поверье/, а может, и нет... Роман С. Саканского – буйное кладбище литературных аллюзий, поэтому и начну я с цитаты из классика. Итак, Ш. Бодлер, «Плаванье»: «Что нас толкает в путь? / Тех – ненависть к отчизне, / тех – скука очага, / еще иных – в тени / Цирцеиных ресниц оставивших полжизни – / Надежда отстоять оставшиеся дни». «Надежда отстоять оставшиеся дни» влечет С. Саканского. Но вот куда? Идти ему, собственно, некуда. Он – творец, демиург, тиран своего детища, он присваивает себе власть над словом, которое, как известно, от Бога и ему же принадлежит. Беспардонно присваивает и разглядывает свой роман-мир-миф с высоты птичьего полета, точнее, из горних высей и далей, где, видимо, и находится его обитель. Так, например, описание г. Санска (это перевертыш пустыни Паска, рисунков в пустыне, увидеть которые можно только из поднебесья) производится с борта аэробуса Ил-86. Иногда, правда, Саканский действует, как проктолог. Но чаще – с облака, так как он одинок и свободен, как Бог, непрерывно любующийся своим творением. Ясно, что он ни от кого не зависит и никому ничего не должен. Вот она – провокация, иначе говоря, бунт. «Зло от Бога, талант от Бога», следовательно, существует иная, реальная иерархия, а также такое понятие, как долг. Например, из Й. Хейзинги «Хомо Люденс»: «Англия не ждет, что каждый станет героем. Англия ждет, что каждый выполнит свой долг». (Отсылка к Й. Хейзингу есть в романе). А вот и литературная параллель – М. Пруст, глава о смерти Бергота из романа «Пленница», предсказание-манифест: «Единственно, что тут можно сказать, это что всё протекает в нашей жизни, как будто мы в нее вошли с грузом обязательств, принятых нами на себя в предыдущей жизни». В общем, долг, долги, а иначе – кукольный театр, а вместо писателя – опытный кукловод, расчетливо дергающий за нитки. Иногда, когда автор в ударе, это интересно, но зачастую, конечно, тупик Д. Галковского. Правда, Пушкин писал, «себе лишь самому служить и угождать», но это в жизни, а не в литературе. Тем более что в этом стихотворении сам Пушкин спрятался, оно так и называется «Из Пиндемонти». Спрятался Пушкин. Прячется и С. Саканский, прибегая для этого к различным сильнодействующим средствам, например, к пердежу, причем вполне литературному. Данный пердеж позаимствован автором у Чарльза Буковски, из его «Завсегдатая бара». Был и фильм такой снят, где очень талантливо пердит Микки Рурк, и прочие аномалии и извращения, роковые уловки и ловкие экивоки: педофилия, наркотики, онанизм. Из гущи повествования непрерывно выглядывает Набоков или его робкий ставленник С. Соколов. Водокачка, поселок НКВД, нимфетка и приходящий к ней Приходько, слабоумие и изысканные праздники детства – всё это всю резвится в романе, повторяясь и путаясь. Но игра игрой, а двигаться-то куда-то надо. Выбор сделан: Когда Приходит Андж, возникает непреодолимое желание переписать существующую, опять же только в романе, реальность. Вот тут и появляется главный герой – Ю. В. Трифонов, генеральный конструктор городской прозы нынешнего периода русской литературы. Именно он является создателем модели, по образу и подобию которой нынче всё и делается. Итак, роман «Время и место»: «Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его. Всё остальное не имеет значения». Лес, город – лес, где глухо, как в подводной лодке, а маленькие и мелкие людишки мучительно страдают от одиночества, испуганно аукаясь второпях. В очередях, на банкетах и в подворотнях. Там, где чисто, светло. И там, где грязно и темно. Мучаются и вымучивают-таки лекарство от страха и одиночества. Как? Романы пишут, как С. Саканский. Ю. В. Трифонов пишет о писателе Антипове, который пишет роман о писателе Никифорове. Он так и называется: «Синдром Никифорова». Роман о том, что время уходит, а места

себе в нем ты так и не нашел. Но... «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, но нам сочувствие дается, как нам дается благодать». И говорит Ю. В. Трифонов устами другого своего героя, писателя Киянова, что надо писать о страданиях. Есть страдание, есть. Конечно, любимого или беспрерывно презируемого, а в прошлом и людей, униженных и оскорбленных. И временем, и местом. О себе пишет, но перед зеркалом не торчит. Некогда ему, жизнь-то проходит, а переписать ее нельзя, и за двойника не спрячешься, так как сам же его и выдумал. Выдумка Трифонова, вернее, его персонажа, писателя Антипова – роман «Синдром Никифорова», у Саканского, точнее, его персонажа – Анджа, роман «Герой». Антипов как писатель состоялся, Андж гибнет, задохнувшись от графоманства и прочих житейских мерзостей. Андж гибнет, но Стаканский-Саканский очень даже здоров. И человек умный, и теории интересные излагает, а главное – лирические монологи блистательно произнести способен. Например: «Таких, как она, ты любишь всю жизнь, из-за них ты готов прострелить свою или чужую голову. Из-за них ты лезешь наверх, пытаешься приобщиться к классу избранных, богатых и власть имущих, ты совершаешь подвиги, географические открытия, пишешь картины и романы – с единственной целью объяснить ей этот мир, доказать ей, что ты действительно существуешь, бедный, ты никогда не достигнешь цели, она никогда не ответит на твою любовь, слышишь?» За такое многое можно простить. Простить, и значит, вспомнить и возвратиться, как Одиссей. Или как Веничка Ерофеев. Царица Небесная, как далеко до Петушков! Далек. Но подлинная проза сама по себе всегда – поэзия. Ерофеев – поэт, и Саканский – поэт. И оба потерянный рай разыскивают, града небесного зыскуют, каждый по-своему, конечно... Один от станции к станции, другой – из сюжета в сюжет, пьют много... Но у Ерофеева: «Я взглянул окрест меня!», а у Саканского: «Загляну-ка я в себя!» Разные они ребята... Веничка свободен, а Саканский свободу любит, Веничка над фразой бьется, выдавливая из себя раба и угнетая себя до гения, а Саканский фразы громоздит, будто строит Вавилонскую башню, надеясь до небес дотянуть, да и не надо ему туда, он уже там... Это у Венички первая любовь и последняя жалость. Это у Венички неизжитый идеализм и четвертинка в кармане, это Веничка шагает по городу Парижу по колено в тришпере. Он, он! У Саканского тоже город, город – лес, которого он боится, боится до ужаса. У Венички всё другое, он – человек целомудренный, он пукнуть или там отлить при людях страшится, десять заповедей вспоминая... А у Саканского, извините, сплошная физиология... У Венички дерьма тоже хватает, но он бесстрашен, и у него юмор. Не ирония, а юмор, за которым он, как в мавзолее, или вернее – на мавзолее, оргиаст он. А у Саканского – оргазм, да оргазм мужской, женский, инопланетный... Веничка сострадает всем и вся, а Саканский этого не умеет, цельности нет. Он, как робот, по частям собран, поэтому можно смело говорить об эффективности работы техники письма Саканского по освоению пространства российской прозы. И наконец, Веничка – мастер, пророк из бесплодных земель иудейских, утешитель и соболезнователь. Милый друг Веничка! А от безмолвных пространств вселенной Саканского, о тайнах которой так много рассуждают его герои, холодом несет, и в бутылке яд, и в кармане то ли кукиш, то ли револьвер системы наган. Ерофеев благ и светел, он весь в тени завтрашнего дня, а у Саканского климакс и запои, что, конечно, поучительно, так как Ерофеев литературу боготворит, а действительность реальную опускает, а у Саканского всё наоборот...

Поэтому зря и сравниваю, разные весовые категории, потому что категорические императивы разные, потому что родины и веры разные, потому что сравнивать С. Саканского необходимо с Умберто Эко и его «Маятником Фуко», а также с Артуро Пересом-Реверте и романом его «Клуб Дюма, или Тень Ришелье». Там он обитает, там его вотчина, логово и лежбище... Синкретизм культуры, современной культуры, реальность полного отсутствия, породил идиотизм самореализации и самооценок. Кто поумнее и поироничнее, тот спасен будет. Именно отсюда постоянный диалог с самим собой, особого рода литературная шизофрения... Бога нет, ума мало, а о смысле Вселенной и о музыке сфер поговорить ой как хочется, вот и выхо-

дит сплошная Касталия и утомительная по своей скрупулезности игра в бисер. Зато у них всё есть, как при коммунизме. И сюжеты, и интриги, и пласты, будто на рынке. Хотя почему будто, обидно даже... Рыночные ценности, условные единицы, ложные ходы, поторговаться-то хочется! Вот вся суть... Культура рынка и рыночная литература. А стиль? Какой такой стиль? Стиль – после Освенцима – невозможен, оттого и стилистов нет.

Дневник писателя 2 апреля 2002-го. Еще б на русском языке!

Однажды пришел Наугольный и сказал, что тему про армию надо закрывать. Хватит уже! И тут же приносит рассказ опять про армию. Я прочитала и говорю: да ты всю жизнь будешь писать про армию, ты обречен. Он снова: закрою тему. И так уже три рассказа, один страшней другого.

И тут приходит диплом Артиады из Москвы, дали Наугольному за книгу «ПМ». Ему еще кличку дали – АН-ПМ (Андрей Наугольный, «Пистолет Макарова»). Я хватаю рассказ – и к редактору. А он почитал-почитал и, не сказав мне ничего, молча – к вышестоящему шефу, который вообще не вникает в журнал. Я ничего не знала. Вдруг смотрю, на моем столе рассказ Наугольного и ужасная резолюция шефа. Я ее приведу. «Рассказ написан абсолютно недоступным мне языком, даже понять суть трудно, о его литературных качествах судить не берусь, однако правда в нем есть. И если бы он еще был написан на русском языке, его обязательно стоило бы опубликовать. А так решайте сами».

Ну редактор так и решает: когда хочет, то ставит, а когда не хочет, то спихивает на шефа. Я смотрела на эту резолюцию и заливалась краской. Значит, не по-русски. Значит, комитет Артиады этого не понял, и я, раз эту книжку делала, тоже не поняла. Тем самым редактор указывал мне на мое место, мне – скромному члену писательского союза.

Я вдруг схватила толстые листы и порвала их что было силы. Гнев мой был страшен. Я клянусь, что ничего не видела перед собой. Правда! Она не виновата! Через несколько минут меня вызвали к шефу и попросили вернуть документ. Я сказала: его больше нет! И тогда шеф стал учить меня жить. Он потребовал, чтоб я всё склеила. Я долго смотрела и дрожала. Потом долго склеивала. Детям-то надо ведь еду на что-то покупать. Я была почти без сознания. Мне вернули документ и велели положить в папку входящих, чтобы я всегда смотрела. И помнила. Я сказала: «Господи, я так разочарована. Если бы вы хотели поговорить со мной о литературе, так я бы с удовольствием. Но теперь вижу, что больше такой возможности не будет». Я была красная как рак. Задыхалась даже. Понятно, никто из участников интермедии и не думал ни о какой литературе. Да черт с ней! И этот рассказ я посылаю сегодня Саканскому. Чтобы и Саканский, и все понимали, где мы живем.

Дневник писателя 2 марта 2002-го. Не надо песен

Познакомилась в Интернете с Ракитской. Пришла к ней домой, пригласила в Вологду. Мне так нравится процесс материализации! Как будто волшебство наяву. Не понимаю, как Саканский общается с ней только по И-нету три года... Но я – другое дело. Я и Саканского бы материализовала, и Яшку Казанову, и еще кое-кого, будь на то обоюдное согласие. Наверно, вечера сетевой литературы придуманы для меня, только в Москву и Питер не всегда могу вырваться... Что меня толкнуло? Стихи, конечно. Мне казалось, я смогу ее убедить, что среди 150 выпущенных ею авторов она не самый крайний. Хотела получить ее книгу из ее рук, и чтобы она сказала мне обо мне.

Ничего не вышло. Ракитская совершенно загадочный человек. Я думала, она пламенная революционерка с горящими глазами, а она вкрадчивая, с низким прокуренным голосом, с блуждающей полуулыбкой, мягкая такая, ускользящая. У нас сорвалась первая встреча из-за выборов, Дом культуры закрыли, у них ребенок заболел, перенесли всё! Но потом... Когда я встала в полпятого утра, поставила тесто на блины и пошла на вокзал, мне было весело, как в детстве. И вот этот базар на кухне. «Бабы, помолчите!» – бросил ее муж Богатых, и неторопливое хождение к памятнику Рубцову, а потом по ул. Яшина – Анатолий раньше жил здесь, – всё это еще было не время. Я удивлялась: перестаньте говорить о деле. А они всё о деле, о деле, им хотелось выпускать миниатюрную книжку, они с Володей говорили только об этом... Но для меня было еще не время. Я думала, вот погодите! Я спою вам ракитский «Аленький цветочек», подарю алую розу, тогда заметите.

Встреча с Лито – дикая, дичайшая. Я раздала много распечаток, но те, кому раздала, не пришли. Пришли те, кто не читал. Ладно, Ракитская сама читала. Народ глядел, безмолвствовал. С ума сошли? Все так же, как и с Арбатовой, молчали, как парализованные. Меня вдруг поразило, что она пишет о бесполезности литературы – вот это, чтобы меня не помнили, считали мифом, и про поэтов, которые читают вкруг, не слышат. Я испугалась, стала спрашивать. А Паша Тимофеев сидит такой красный, пьет пиво и говорит, что «размер стиха, как у Башлачёва». Редактор мой пришел! Затрагивал политические аналогии. Но в целом Эвелина интересней говорила про себя и про издания, чем про стихи. Анатолий вообще не соизволил читать, представляться. И всё сильнее было ощущение, что им всё пофигу. И все это видели! Потом нас выгнали из кабинета, пришла косметическая фирма. Разговор только начался! Я пошла ругаться с вахтером, потому что до этого пели под баян, Ракитскую заглушали, потом эти с косметикой. Да, я просила прекратить это безобразие, потом расплакалась, и мне стало не до песен. Ракитская так и не услышала свою-мою песню. Но после Лито можно было пойти ко мне и попеть там. Нет, Анатолий не хотел, а Эвелина, она ведь жена. Я пошла домой в сильном ветроуде, с меня срывало одежду, а они так и не пришли, а на другой день поехали в Кирилловский монастырь. Я была им неинтересна. Ну и правильно. Книгу я не заказала, хотя у меня столько рукописей. Денег-то нет, обстановка нищая, шапка старая. Видно всё как на ладони. Что водиться с побирушкой! Я хотела дать ей вязаную шапку, ведь она была в газовой косыночке, ведь север же. Но муж ей сказал, сними, – она сняла. А я смотрела. Я никогда не разбиралась в людях. Никогда. И теперь не умею. Люди стали мне звонить и говорить, что, интересно, я себе вообразила?

Всем понравилась она, но все видели эту натянутость. И в общем шуме мне, оказывается, было стыдно за нас всех, за плохую встречу, а всем моим приятелям, оказывается, было стыдно совсем по другому поводу. Стихи не виноваты, – кричала я, стихи не виноваты! Хотя они и старые... А именно они и виноваты во всем. Но если люди приехали разведать обстановку насчет книжек, чем это плохо? Ничем. Настоящие издатели так и должны делать. Просто всё

другое им неинтересно. Песни всякие. Для меня это главное, для них – нет. «Ты ради песни их звала? Ну и дура», – сказали мне.

В ней, Эвелине Ракитской, понимаете, в ней какая-то ртуть перекачивается. И она не отделяется шариками и не проскальзывает наружу, просто видно через черные глаза, как она внутри, тяжелая, блескучая, взрывная, сдавлена. И это, конечно, самодостаточный человек. Если бы она хотела поговорить, она бы поговорила со мной, подбитой такой, с гитарой в старом поцарапанном чехле. Эта ее мысль насчет невозможности переделать «Аленький цветочек», хоть как правь. И с глагольными рифмами будет, будет комок за горло хватать. А насчет песен что ж. Как говорит критик Фаустов, не надо нам устраивать стандарт самодеятельности.

16:20, 2 марта

Дневник писателя 16 апреля 2002-го. Швыдкой сошел с ума

Была на презентации книги лесного человека Саши Дудкина в Кадуе Вологодской области. Это такое место всё в горках и соснах, такая маленькая Швейцария с озерами. Люди! Какой самородок Саша этот. Глаза карие, добрые, очкарик, голос низкий, нежный, башка умнейшая, философ! Себя не ценит, ненавидит. Одно название книги чего стоит! «Блуждание как блуд». Стал говорить – спина, как землетрясение, пот ручьем. Даже не видит, с какой любовью смотрят на него коллеги из лесхоза, библиотекари, учителя, продавцы, следователи – все, кто пришел на встречу. Скромный слишком. Московский поэт Марк Шатуновский о нем сказал: «Люблю Дудкина за то, что его стихи находятся на пересечении интимного и глобального...»

Саша Дудкин лесничий, ему 36 всего. У него самый кошмар в работе летом, когда беснуются пожары. У него в хозяйстве 30 тыс. кв. км на 8 лесников. Сейчас, «отбыв повинность» в районной библиотеке, он поехал сажать сосны. И еще минимум пять человек могут сделать по книге. Но их даже не печатает Рыбин в районной газете, что говорить. Какие забытые, неухоженные они, ужас. И администрация зачем-то гнобит их, не помогает, и газете плевать, и питерские писатели приехали, растоптали. Ничего не понимаю! Столько народу пишет, у меня голова гудит – и проза, и детская проза у Гусевой, и проза у Шариной, и такая жесткая проза у Дешина, и поэтов столько, Кузьмин книжку сделал, детское Лито такое большое, я всё им рассказала про «Илья-Премия», чтоб молодежь толкали. При этом Швыдкой по ТВ говорит о смерти литературы... Ну, ладно, что его шоуменом обзывают, но такое говорить мне, когда я во всех районах вижу типичную картину такого стихийного обилия авторов, жанров... Не может, не может быть всё пустое. Скорее, у нашего мэтра пустое, с его онанистами и стобом бесконечным... (об этом отдельно). А Швыдкой точно сошел с ума. Пора ему уволиться по собственному желанию, уйти от позора. Мое недоумение – как море.

Дневник писателя 4 апреля 2002 года. Без слов!

Приходила Татьяна Петровна Сопина. Говорила, как она ценит Ракитскую, вообще – очень. Но не могла на встречу прийти, мужу было плохо. Кузнецова, которая читала взахлеб эровскую Василькову и сама хочет издаться, не пришла, заболела. Человек, с которым я ношусь как с писаной торбой, Наугольный: когда я стала звонить про Ракитскую, бросил трубку. А ведь зачитывался ее стихами. Кузнецов, изряднейший поэт, не пришел. Волкова, которая хотела взять интервью для радио, не пришла. Новоселова, которая ведет литературные экскурсии по Вологде и делает это вдохновенно, не пришла. Коротина, которая... тоже не пришла. Короче, болото. Нет слов.

Дневник писателя 16 мая 2002-го. Вокруг Ильи.. Реакция на звук

Натке в Москве нужен компьютер, мы везли, помогали ей. В поезде мне казалось, что монитор, зависший на третьей полке, движется и валится на меня. Люба даже не спала, дежурила ночь на вокзале, чтобы встретить и помочь. На эскалаторе две тетki впереди опрокинули сумку на колесах, и всё это повалилось на меня. Я держала сумку с процессором и коленкой придерживала лавину, глядя, как тряпки падают на ступеньки... Меня заколотило от ужаса и долго колотило потом. Потом Юшковой не заказали гостиницу – тоже нервы. Потом стало мутить и качать, нервничать мне теперь нельзя. Боюсь Москвы! Хорошее началось с голоса Юрия Беликова в трубке. Что за голос! Чарующий рокот, точно у хорошего актера, он обволакивает и гладит до щекота в горле. А уж как начал потом стихи читать... Вообще конец! Думаю, он знает и умеет пользоваться... Я этот голос без конца бы слушала. Всякие тайные бездны, фантазии... Когда-то Михалыч умел очаровывать так же. Но я сама виновата, что больше он не рокошет.

На вокзале группа «Илья-вят» уже ждала нас, Антон Чёрный, наш вологодский финалист «Илья-премии», кинулся навстречу. Все поехали в Переделкино. Мне поначалу было тоскливо среди этих детей, но Ира Медведева – она покорила и приняла сразу. Приблизившись, я поняла: мы с ней сто лет знакомы. Седая асимметричная стрижечка, черные мягкие глаза. Кажется, Ира умеет находить моментальный контакт со всеми...

Почему я рвалась в Дом Пастернака? Я же была там, не умея справиться с потоком слез от плаща, напоминающего папин, от стоячей конторки. Я убеждалась, что это всё на месте, как убеждаюсь в нерушимости того, что есть дома... Кудимова: «Убедилась?» – «Да!» Но сильнее – резкий голос экскурсовода. «Тогда уже Зинаида сказала, может более быть женой, тогда уже появилась Ивинская... Мое мнение – он любил многих, а она дает понять, что она была единственная, расталкивает локтями. Ее не пускали сюда, даже когда он умирал...» Удивление. Но меня поправляют – она кого-то предала, дело не в романе. Не хватало звука – ПОЧЕМУ НИКОГДА НЕ ЗВУЧИТ РОЯЛЬ НЕЙГАУЗА? Но более сильное, обвальное удивление – в Доме Чуковского. Оказывается, «Чукоккала» – это что-то вроде нашей полуподпольной «Стрекозы». И не такой уж он детский, просто «Крокодила» запрещали, а книга о Некрасове спасла, Сталинская премия. Мантии, картины, шкатулки – дом, полный подарков и чудес. Голос экскурсовода – озорной, смешливый – «знаю, что вы устали, я с вами, как с ребятами». И мы, остолбенев, смотрели, как прыгает по лестнице сакраментальная пружинка. Сколько людей здесь прошло, какой огромный мир кружился вокруг планетки Чуковского. Его культурное пространство было гигантским. Местами я засыпала на ходу от потока впечатлений, но они все вливались в меня, и я снова тарасила глаза. И сосны клонились ко мне – а ты маленька-а-я... И Ира Медведева оборачивалась: Галочка... И я не чувствовала, что я одна. Ленка Юшкова что-то снимала, снимала фотоаппаратом, а я гулкая, одуревшая. Р-ррр. Голос Беликова? А где Наташа? Она не может, занята. А зря. Она кое-что упустила. Впрочем... На пионерской поляне, где Чуковский делал костры, мы уселись на пикник. Там длинные разговоры, стихи, невозможная легендарная Кудимова. Я с Кудимовой чокнулась? Деликатесы – колбасы, куры, листовой сыр, фрукты, вино по 115 рэ бутылка. Бешеные вкусности. Резала бутеры с Олей Юрловой из Кирова. Как было странно – почему мы здесь? Потому что мы вокруг планетки Илюши вращаемся, мы втянулись в эту орбиту. Миллионы голосов зазвучали во мне. Тех, что были раньше у Чуковского, тех, кто на кладбище, и тех, что теперь приехали к Илье. Ира и Коля сделали из своего горя чужую радость... Поэты такие вредные, и если что-то их объединяет... А я раньше думала, ничто их не объединяет! Но вот же! Коля Тюрин, видимо, не пьет вина, но здесь позволил и настоял везти к гостинице на такси. Ира только

вздыхала. На станциях стали дикие законы, пускают по одному. Всё это было каким-то домашним, как будто я приехала к родне. Но я их вижу в первый раз! Непонятно. В гостинице Иру отчитывали – у вас долг три тысячи. Но с Юшковой всё уладилось. Я пыталась спать и не могла. Кто-то рокотал, рокотал. Когда Кудимова хотела послать еще за бутылкой, поднялась буря, и деревья затрещали. «Нет, не пойдем за бутылкой». Вот в церковь они шли – это надо. А тревожить по пустякам нельзя. Звуковая стихия продолжала шуметь и трещать в моей голове всю ночь. Я объелась – всем. Потом тяжелые литературные беседы с Ленкой – про это отдельно.

Дневник писателя 20 мая 2002-го. Нелюбовь к себе?

Из ответа на письмо Ракитской о феминизме. «Дорогая Эвелина! Совсем не хочется спорить с вами, но ваше мнение – от незнания. Феминизм – это не самоутверждение, это помощь другим. Видный теоретик феминизма в Вологде С. Фаустов так и говорит, что феминизм – форма гуманизма. Или, например: „Феминизм – это свобода срывания фартука“. Моя подруга тоже не любит феминисток за то, что они якобы уходят от домашнего труда. Но это тоже от незнания. (Феминистки не отказываются мыть посуду, они предпочитают делать это не в одиночку, а с другими едоками). Всё привычка видеть в феминистках монстров. Но ведь Маша Арбатова не монстр. Вы не представляете, как я ее люблю, и как точно она формулирует многие скользкие вещи. Когда я стала расспрашивать ее, как быть с сыном, у которого все девушки явно старше его, она весело посоветовала найти любовника. (В этом смысле видите, опять мужчина не самоцель). Мы с С. Фаустовым делали в газету материал „Призрак феминизма бродит по Вологде“. Я опрашивала знакомых, а Фаустов писал всякие шутейные афоризмы... Феминистки чаще всего – счастливые и успешные женщины, а не злобные и несчастные. Нелюбовь к себе – это драма более глубокая. Как термометр, она показывает прежде всего этическую незрелость человека. А еще – недолюбленность. Женщина, которую любят, естественно, хорошо относится к себе. Именно и стала феминисткой, когда почувствовала, как меня любят. Хорош и такой способ. Знакомый психолог, еще когда я работала на заводе, заставлял меня писать в столбик свои плюсы и минусы. У меня выработалась привычка видеть в себе хорошее. Хоть сейчас! Минусы: несобранность, слабоволие, чрезмерная внушаемость, отчаянная неряшливость, обжорство, сквернословие, непочитание старших, грехи перед Богом, вина перед детьми, привычка гневаться, грешить... Плюсы: готовность жертвовать, слышать чужую боль, доброта, влюбчивость, доверчивость, способность плакать от музыки и стихов, творческие способности, равнодушие к деньгам. Конечно, список всё время меняется, как и лицо мое меняется, стареет. Но даже глядя на себя в зеркало и грустно вздыхая, я совершенно искренно говорю: я уникальное существо, других таких нет. Мне скоро пятьдесят, но я еще ничего, еще можно влюбиться, интересная ведь женщина. А как распоюсь в мягкий зимний вечер, так и все тридцать мне дашь!»

Дневник писателя 17 мая 2002-го. Откуда взялась «Илья-премия» (для тех, кто не знает), которая работает уже два года!

«...Оставьте росчерк – и оставьте Свет. Но не гасите света...»

Эти строки написал 19-летний московский поэт Илья Тюрин, трагически погибший в августе 1999 года. Его талант не оставил равнодушными никого из тех, кто прочитал в «Литературной газете» его последнюю статью «Русский характер», написанную за десять дней до гибели, а затем и сборник стихов, песен, эссе «Письмо», вышедший в 2000 году в издательстве «Художественная литература». В память об Илье друзьями и близкими поэта учреждена ежегодная премия в области литературы (стихи, эссе) – «ИЛЬЯ-ПРЕМИЯ».

Положение о Премии

1. Премия памяти Ильи Тюрина – «ИЛЬЯ-ПРЕМИЯ» – учреждается в качестве ежегодной благотворительной акции, целью которой является (наряду с пропагандой творчества Ильи Тюрина) помощь человеку с ярко проявившимся литературным даром на старте его творческой деятельности. Учредители премии полагают, что наиболее целесообразным шагом в этом направлении должно быть издание первой книги номинанта – победителя в конкурсе. 2. Механизмом отбора литературных произведений является конкурс, о котором учредители премии оповещают через средства массовой информации. Для оценки поданных на конкурс работ учредителями премии формируется специальное жюри из известных деятелей культуры. 3. В конкурсе участвуют только рукописи: подборка стихов, эссе. 4. Возраст участников конкурса не ограничивается, но при прочих равных условиях предпочтение отдается более молодому претенденту. 5. В ходе конкурса награждается незаурядное дарование в области поэзии и эссеистики, выраженное в очевидном стремлении к выработке синтетического языка, к творчеству на стыке жанров, к поиску новых форм организации литературного пространства, как наиболее ожидаемых на рубеже тысячелетий. 6. По результатам конкурса учредителями премии заключается с издательством договор об издании книги победителя. 7. Финалисты конкурса получают специальные дипломы, памятные сувениры и становятся авторами альманаха «ИЛЬЯ», работа над которым начинается уже осенью 2001 года.

Жюри конкурса: Марина Кудимова – председатель, Юрий Кублановский, Александр Иванченко, Юрий Беликов (Пермь), Валентин Курбатов (Псков), Анатолий Львов (СПб), Ирина Медведева, Николай Тюрин. Рукописи принимаются ежегодно с 1 октября по 31 марта. 10 мая – Торжественная церемония вручения «ИЛЬЯ-ПРЕМИИ».

Адреса, по которым можно направлять рукописи: 1. 125993, ГСП-3, Москва, ул. «Правды», 24, редакция газеты «Трибуна» 2. E-mail: ilyadom@russ.ru

Дневник писателя Вокруг Ильи

В Переделкино, когда все читали стихи, мне было неловко, ведь я не поэт в той мере, в какой там присутствовали лауреаты конкурса «Илья-премия». Но когда я читала его книжку «Письмо», мне бросились в глаза две важные вещи. Первое – осязаемость потери самого Ильи, когда не стало Бродского. Это не просто скорбь («скорбь» – это мертвое слово), а именно увеличение любви, ее непомерность. Такое впечатление, что, проплакавшись, он как-то ближе и крупнее увидел Бродского. Бедный, что он пережил, лишившись!.. В этом любовном поле в высоком смысле слова Ильи не «послебродский», а именно «бродский» поэт, остающийся в Бродском навсегда. Это как бы духовный ребенок Бродского. И вторая вещь. Там есть стихи, которые он посвятил физике на его уход. И мне стало ясно, что я чувствую то же! И лучше Ильи никто вслед самому Илье не скажет, что именно я чувствую. Я прочла этот стих в Переделкино (кажется, он на 102 странице – книги опять нет под рукой, ее опять читают).

То есть что? Занимаясь поиском поэтов, я не очень вникала в смысл текстов Ильи. И тут вдруг меня поразило как громом. Его связь с другими людьми означает, что он, помимо своего творчества, проводник для нас и для тех, других. Например, я через Илью всегда буду чувствовать еще и Бродского. Он как тот телефонист, который держал зубами провод с током... Я этим вовсе не хочу сказать, что он какой-то опереточный герой. Нет, просто он теперь для меня больше, чем просто автор своих стихов. И даже вздрогнула: я писала стих для Миши Жаравина, а теперь произношу его для Ильи, значит, есть связующая ниточка меж ними тоже. Ходила по Переделкинскому кладбищу, а где похоронен Илюшка, так и не спросила... Тело возьмет земля, / Душу возьмет Господь. / Голос молитвы для / взлета небесный свод. / Не торопись уйти, / Холод могил кляня. / Я запою мотив, / чтобы нас не разнять / шепоту сосен над / мраморным забытьем. / Как много лет назад, / мы помолчим вдвоем. / Тело возьмет земля, / Душу зовет Господь / век его умолять / царствовать над и под...

Дневник писателя 21 мая 2002-го. Страх сомнений

Вечером я позвонила по номеру мобильного, оставленному для меня в гостинице – наверно, это была Ракитская. Но мобильник не ответил. Что было делать? Звонить ей на телефон домой? Но там ее муж, который ненавидит. Ее, меня, какая разница... Мне хотелось с ней поговорить, но так, чтобы его не было. Но как?

На другой день после Переделкино у нас Леной Юшковой были грустные разговоры. Вся эта атмосфера подействовала на нас размягчающе. Ласковое обращение Иры и Николая, но его как бы нечем оправдать. Ира хочет более творческого конкурса, она не против стихов, но роль эссе пока недостаточна. Возможно, это будут отклики, споры с самим Ильей по любому тезису его статей? Возможно, еще что-то, например, прибавится номинация по драме.

Всё это хорошо, но я сама только собиратель, а хотелось бы как-то поучаствовать в развитии самой идеи. Как? Юшкова сказала наконец, что ее расстроило Переделкино. Сначала на нее косо посмотрела Кудимова, потом показалось, что она вообще тут не к месту, тут все дети малые, а мы в таком возрасте, что... Но главное не в этом. Главное в том, что она не хочет делать книгу, которую я начала делать. Я уверена, что это очень состоятельно с литературной точки зрения. А Лена то подчиняется моему диктату, то говорит – не нравится! Не нравится мне эта вся так называемая проза. Выходит, я ее принуждаю? Мне стало горько до невозможности. Мало того! Она давно пишет мудреную диссертацию о пластическом театре. Она говорит, литература никому не нужна, а здесь я почти совершила открытие. Это будет преступление, если всё это не зафиксировать! Поэтому я займусь пока наукой, а уж потом посмотрю, как быть с прозой... «Хотя у меня совершенно не идет диссертация, я прячусь от компа, я вообще-то человек литературный...» И через час уже говорит: «Мне удобно так жить. Если посылают на компьютерную конференцию, то еду, если надо быть научной – могу и так, если меня позвали на литературный праздник – не могу согласиться, что это плохо. Это здорово...» Я чуть не заревела от таких речей. Значит, ей всё равно, чем заниматься! Ей нравится писать прозу, а она насильно себя гробит. Я задумалась. Может, она и права. Чем меня восхитило Переделкино? Тем, что там были все свои. Может, это от вина? Нет, мы, когда приехали, мы тогда еще не пили никакого вина. Но откуда тогда это чувство общности? Оно было. Антон Чёрный – его видеть было еще радостней, чем в Вологде. Он смеялся: «Сидеть бы нам в Твери, когда б не Галя...» Но как раз моей заслуги в том и нет. Это Ира. Это Илюша. Это все, к которым упала и я, как капля в блюдечко. Там обнаружили еще потрясные ребята, к которым я вернусь!

Значит, Юшкова всё структурирует (поганое словечко). У нее душа лежит к одному, а она заставляет себя делать другое. А что я же я? Зачем взяла и сразу, с ходу во всё это ворвалась, душой присохла? Я же неталантливый человек. Хоть бы подумала чуть, а то сразу. Мой длинный разговор с Василенко по телефону: я объясняла ей, почему надо рассмотреть дело Дубинина. Василенко болела, и голос ее слабел в трубке. Она сказала, что ей надоело разбираться с Вологдой. Я говорю, а что там разбираться? Т.Т. делает свое, я свое, я никому не мешаю править миром. Но Василенко явно думает про меня какую-то гадость. Она разлюбила меня. Такого уж не было, как раньше: «Дорогая Галя! Я счастлива, что...» Она не разрешила к ней приехать, велела везти папку а ЦДЛ, а там... Там не оказалось никакой дежурной в праздники 10 мая, стояли два пьянющих охранника, еле ворочая языком: «Пойдите позвоните». А зачем звонить? Кому? Больной Свете Василенко? Я и так ее донимала по телефону целый час. Это стыдно же вообще так приставать, тем более человеку и так плохо. Бесплезно. Мне стало обидно за талантливого Дубинина, и я увезла папку домой, а потом отправила ее по почте... Правда, я с помощью Шеварова кое-как дозвонилась до Ольги Корф, и она сказала: «Никакого

движения с вашей рукописью не предвидится. Она у редактора „Черной курицы“, издавать ее никто не будет». Ненавижу Москву.

И еще одно событие, уже совсем мелкое. Поехала к знакомым повидаться, хотя боялась заблудиться в метро. И поскольку душа моя была полна всем тем, что изложила выше, я к духу Переделкино стремилась, без умолку от этом говорила, взхлеб и отвлекаясь на оценки... И жадно на реакцию смотрела. Но мне сказали, что всё это скучно, что люди и тусовки надоели, и коль я человек тусовки, то что ж, ходи-ходи... Потом сказали: от тебя башка болит, довольно. Я остолбенела. Я человек тусовки? Я одинокая как черт-те знает кто! Сюда людей тащила для того, чтоб вышли из пещеры, всех узнали... Ведь нету у меня здесь шкурных интересов! Такое испытала унижение. (Я помню аналогию: Воронеж, у сестры. У маленького вши от поезда... Такой переполох... Дележ наследства, перебранки, на пляж идти нельзя, купальник страшный. Зачем я всё прошу, самой не заработать? И после этого из дома выгоняют – меня с детишками, на вечер глядя. Вот что я вспомнила!)

В метро момент: хотела выйти из вагона, рискуя потеряться капитально. Затмение нашло. Понятно, больше никогда к ним не поеду. Но всё это случилось перед Домом журналиста, поэтому на сцене выступление получилось отвратительным. Горели губы, рот, как будто дали перцу. Да, я же не умею разбираться в людях! Мне нужно было душу изливать не этим, а хоть Ире или Коле, но я пристала словно нищенка – к чужим. А вот Ракитская, наверно, поняла бы. В горячке дикой горечи не очень веселилась на фуршете. Была Наташка – с ней не говорила. Пришла на встречу Маша из агентства, что занимается судьбой «Горящей рукописи» – это было классно. Хотя б надежда есть.

А что презентовали? Чудесный альманах! Весь дорогой, весь толстый, как купчина. Трехсотстраничный. И молодежь стихи свои читала, и совершенно тихая Ирина работала исправно Дедом Морозом. Мне говорили, что незадолго до этого случился с ней сердечный приступ. Вот так держаться надо! А я раскисла, точно истеричка! Гриша Сахаров, конечно, лучше всех, и Ваня Клиновой, Чечеткин Паша тоже: «Ах, зачем я красивый такой». Аня и Паша получили Гран-при, они замерли у королевского кресла, а на сцене играли скрипки. Организация прекрасная, ошеломительная. И праздник удался. Ольга Татарина – мне: «Я поздравляю вас, у вас такие дети...» Вот тут уже было лишку, я только вздохнула: я здесь ни при чем. Это просто Кудимова пошутила: еще, мол, один сюрприз от Галины Щекиной. Сюрпризы ладно, а сама Галина кто? А никто.

Дневник писателя 27 мая 2002-го. Волна нежности

Смятение мое еще не улеглось, хотя долго витать в эмпиреях некогда. Меня поразил один человек на «Илье-премии», кроме супругов Тюриных, конечно. Худой длинноносый юнец, некрасивый, замкнутый и неожиданно мудрый, он пишет скупое, скудное и проникает в сердце безошибочно. Вообще всех ребят можно найти на сайте

А этот человек просто сокровище – невозможно одинокий, умный Гриша Сахаров.

Я в Москве рассказывала в электричке из Переделкино свою любимую историю про расторможенность воображения. Ну как у Анчарова в «Сода-Солнце»: дали шести обалдуям таблетки творчества, и пять из шести решили сложнейшие проблемы. А в таблетках только мука и сахар, и больше ничего! Так вот, наш критик Фаустов в картинной галерее при большом стечении литературного люда взял и запустил бумажную птицу творчества. И она тукнула в макушку самую скучную нашу 60-летнюю писательницу. «Поздравляю, вы стали графоманкой!» А она как очнулась. Так начала писать, что все рты пораскрывали: и народный язык, и музыка, и всё сверх меры, и Фокина заметила, и все заговорили – вот такой фокус. Это стало легендой. А Гриша и говорит: «Да я знаю Фаустова». – «Как?» – «Да читал в „Октябре“ голос из Вологды...» – «А ты где живешь?» – «В Орле». —?! И живет в Орле, и общества нет, и единомышленников, и не психует 18-летний мудрец. И комплексов нет, естественность полная. Я с ним проговорила целый день, с ним и еще с Пашей Четкинским из Перми, вот тоже уникал, будущий магистр богословия.

И мы с ними ходили по Арбату, глазели на памятник Окуджаве (как интересно – можно руку на плечо положить), на стену Цоя, на художников арбатских. ИРА МЕДВЕДЕВА. Посадила Юльку из Перми, чтоб ее рисовали, потом деньги за нее заплатила. Думаю, пылающая от волнения Юля никогда этого не забудет! ИРА кормила нас бананами. А я-то чего, не маленькая... Ешь! И я стала маленькой девочкой, с которой возятся, и тепло мне было, щекотно в горле. Только что по голове не гладили. Но был подарок и мне. Ира М. работала дедом Морозом. Все собирались в Пушкинский музей, а у меня денег не было, ведь мне пришлось все деньги отдать за обратный билет (купейный). И я стала такая убитая, и вдруг она: «На тебе деньги, сходи, когда еще соберешься...» Тут и случился, наверно, главный мой московский подарок. В Белом зале я долго разглядывала картины, развешанные по проекту «Диалог в культурном пространстве». Остроумно: рядом две непохожие картины и тут же планшет с описанием аналогий. Глянешь – всё разное. Начнешь читать – да, столько похожего – от темы до глубинных связей. Картины Пикассо и тотемные фигурки. Девочка на шаре и девочка в виде ложки. Это грандиозно. Ничего подобного не видела. Ребята Гриша и Паша тоже тихо передвигались с такими лицами, сосредоточенные, бледные. И еще. Одно полотно – оно ранило. Художник Карер (или что-то похожее). Поцелуй матери (материнский поцелуй?) Женщина, поразительно мягкая, плавная, обнимает девушку – дочь? сестру? – рядом еще одна... Картина монохромная, как фотография, черно-белая, очень большого формата, но такая возвышенная и чувственная одновременно. Не передать! Их захлестнула волна тепла и нежности. Это видно, энергетический поток их окутал. Из глаз хлынули слезы и не уставали литься. Я пыталась проморгать их и не могла. Три или четыре раз подходила я к ней, но с трудом заставила себя прекратить хождение. Это навсегда, уже не забудется. Спасибо, Ира.

Дневник писателя 30 мая 2002-го. Теряю

Приходил пьяный Наугольный – его мать в реанимации с тромбом, кажется, уже неделю в коме, он подал чужие книжки, обозвал их провинциальной истерией и ушел до осени в свободное плавание. Всё угрожает уйти и не вернуться. Но я подожду, спешить мне некуда. Гораздо хуже, что человек уходит не в запой, а навсегда. Теряю Тимошу, героя недописанного романа. Он теперь туманится где-то в окне. Он раньше постукивал, тревожил меня. Но теперь он молча стоит. Жжет стыд: месяц не писала матери, сестре... Но Тимоша! Он живой, я бросила его на произвол судьбы. На работе всё равно не изменю ничего, а Тимоша? Его могу спасти только я. А он спасет меня. Вот так уходит жизнь, и кончается творчество. Неужели это всё? Надо просить отпуск, ехать в кадуйскую глушь и забыть всё. Природа, она спасет. Джен пишет правду, но это правда не литературная. Бытовая. А я поняла: конец близок. Ближе любого Тимоши. Спину холодит! Быстрее же...

Дневник писателя 11 июня 2002-го. В поэзии виновен!

Черный зал дышал и дымился индийскими ароматическими свечками. Всё было сумеречно, грустно. Шелестели целлофаны двух трогательных букетов.

– Вадя, а как потом микрофоны?

– Да я сделаю всё. Когда уходить будем.

Музыкант Вади Смит любит пошаманить во тьме. И любит посвящения. В этот раз тоже шаманил, и помогали ему гитарист Кошкин и саксофонист Кузнецов. И он посвятил... Да, сейчас это сделать легко, каждый день умирает кто-то. Умерла мать у Наугольного (он белый как мука, кричал, дрался целый месяц, брата Женю чуть не убил... Сегодня приходил ко мне ксерить свидетельство о смерти. Ничего не может есть. «Ешь овсянку, – говорю я и ксерю, – лечи себя быстрее»). Умер Ромка Куфтырев, два года на Лито ходил и – вскрыл вены в ванне. Поэтому не жду чудес. Вади Смит сыграл свою шаманскую музыку быстро. Кипел сценический дым, Вадя за синтезатором, посреди сцены Архипыч в белых брюканах, трогательный, у его ног – шикарно голоногая Хелен. И остальные музыканты бродят туда-сюда, как тени, дудят и бродят. Очень эффектно, такая модель Содома... Мне понравилось, хотя я очень не люблю Смита.

Потом явились двое в мантиях – Игорь Мазилев и Антон Чёрный. Они представляли Окружной суд Пятой авеню (стих Архипова). Они вызывали свидетелей и выносили приговор. Первое обвинение от Наугольного – виновен в пошлости провинциальной. Вынести к пирандейлиной матери – ведро и поэта. Потом свидетели защиты – героини Архипова: рыжая Эвридика («зазывала, косою горбун, он тиранил ее и бил, но, наверно, всё же любил...»), беленькая в тяжелом атласном кимоно Моника («он нашел ее в грязном сортире»), лучше всех Натали Пушкина, она же – Наташенька («Натаха, дрянь такая, на что польстилась ягодка лесная, на пьяный патефон и блуд на речке...»), ей помогал студент во фраке. Класс, это был класс. А я читала рецензию от Тани Калашниковой (в сокращении) из Канады и телеграмму от Василенко из Москвы. Архип разволновался, его трясло: «В поэзии виновен». Потом читал свое. Сказал, есть еще одна Наташа, Ната Сучкова, это великая поэтесса, ее тут нет, она в Москве, но я прочту посвящение только ей. А еще я читала ему не оду, а одку, вот она:

АВАНГАРДИСТЫ В БЕРЕЗАХ (письмо наверх)

На семинаре множество угрюмых Поэтов тихо сгорбилось на креслах. Они сидели, обхватив колени, Вцепившись в подлокотники и скулы, И взгляды их являли безысходность, Решимость не уйти отсюда сутки. Вот бородастый мэтр простер ладони, Заговорил о срубе деревянном, О том, что наши жизненные центры Удалены от истинной природы. В порубанных лесах, глухих болотах Еще таится свет – душа народа, – И указал на русские березы, Которые лепечут наше горе.

– И есть у нас поэты, – он продолжил, – Которые курлычут, ровно птицы. Березовым корням сказать спасибо И поклониться каждый должен в землю. А то, мол, присылают описание Зеленой колбасы, летящей в небо, Зачем и грузовик по снегу едет, Рассыпанные давит апельсины. Зачем песок, что прямо в глазки сыплет Ребенку ненормальный отщепенец? Что значит – плюнул он в глаза легенды, Похрумкал шрамик девушки на шее? Ведь это беспредел, мучений горы И всё не производит впечатленья, Не жалко и не больно это слышать... Ведь разрушение это, не создание! Стихи должны быть складными, о Боге, Легко они должны звучать и реять, Чтоб их простой народ твердил на память, На пьянке запевал с аккордеоном. Зато поднялся человек из массы, Простой пожарный, мастер-собиратель. Ответил, что несколько не боится Осмеянным сегодня оказаться, Но любит он давно авангардиста, Ведь это выход на иные сферы. И стал читать... О, белый стриж в полете, как символ воли бесконечно силь-

ный. Тоска по чистоте – горенье тайны, омытая слезой рябая девка... Молчали потрясенно. Все – ни звука. Сильнее всяких доводов звучали Стихи, себя на людях защищая. И в тишине на лбу авангардиста Лишь серебрились бисеринки пота. И муха звонко билась в тень за шторой, От солнечного зайчика спасаясь. Вы знаете, когда у нас впервые Он выступал в литературном клубе, Мы ни черта не поняли, конечно, Но я, как институтка, восторгалась, хотя обосновать тогда не получилось... Поймите, чувств любовное кипенье – Для женщин это главное, к тому же Короновать любовь сегодня вряд ли Решится каждый... Что гореть? – Гордиться Способностью самую – вот что важно.

Теперь не устаем мы удивляться, Как стал авангардист для нас понятен. Веселый критик, сравнивая с кашей Его стихи, узрел стекла осколки! Нет, правда, не шутя, мы стали выше. Нас за собой он потащил на крышу. (Когда его снимал канал на пленку, Полезли все на верх кинотеатра, где фоном были небо и березы). И мы на этой крыше танцевали...

Дневник писателя 2 июля 2002-го. Пытка литературой

Не знала, что есть пытка – литературой. Мне прислал стихи Коков. Он живет в Финляндии. Это умный талантливый человек. Когда-то давно я помогала ему делать книжку, а потом он перестал писать, так как окружающим – там – людям это не нужно. Бизнес, переводы, шины – это востребовано, а стихи – это так... Когда он мне стал это говорить, я возмутилась до предела. И подарила ему на день рождения камень астропиллит – самый бесполезный, самый красивый камень на свете! Черный, с золотистыми нитками. Он даже испугался, пошел проверять на радиацию. Эх, Коков... И вдруг после долгого перерыва – куча стихов. Приношу в редакцию нашего журнала, и подержав их с неделю, редактор приходит и начинает меня пилить, как это плохо, то да се, да надо всё править. Кокова! Философа! Знатока Гумилёва! Значит, путевые заметки о поездке в Германию взял, а стихи – нет! Я молчу, дрожу, потом говорю: «А Савельева вы поставили, а это же вообще как бы... А потому поставили, что он ваш друг детства». «Побойся Бога! – гремит редактор. – У него же рак». – «Ага, – говорю, – а это литературный довод?» И тут он начинает... Это нельзя пересказывать... Это порнография. Когда строчки, полные любви и энергии, у меня на глазах начинают терзать, выкручивать им руки, меня бьет током. Все умирает, все. Когда Сопину выпустили книгу! Просто так: пришли люди и напечатали тираж 3000. И подарили! Когда я эту книгу дала Наугольному, он на другой же день принес быструю и четкую рецензию – я так обрадовалась. Что вышел из запоя, что мысль ясна, как молния, – эх, Наугольный! Да что же мир ничего не знает? Сопин сам не знает! Я к редактору: вот, новинка. Он посмотрел, а потом говорит: «Как это, „Сопин – подпольщик“?» Жена Сопина: да он член Союза! Я говорю, не в этом дело. Речь идет об инакости, инакомыслии...

Выбросили рецензию Наугольного... <http://www.proza.ru:8004/author.html?naugol>

И много чего выбросили. И мальчик сегодня чудный приходил, редактор тоже его послал, рявкнул, что надо учиться. И журнал идет в городские школы, а печатает одних пенсионеров... Боже мой. Хотела тут же подать заявление. Дети говорят, нельзя, мама, досиди до пенсии, хоть раз в месяц покупаешь колбасу, и то ладно...

Какой это ужас, так любить слова, так жалеть их, как живых людей, какой это ужас, когда рядом такой мастодонт. Я не могу, у меня все планы творческие пропали, я разучилась выдавать идеи, всё! Они изнасиловали меня. ВСЕ.

Дневник писателя 29 июля 2002-го. Деревня на «Тенетах»

Посмотрела на «Тенета». Меня туда повесили, и я пошла глянуть. Сначала не могла понять, но Пашка пришел и показал. Произведения не открываются, то есть люди ничего моего прочесть не могут. Ссылки не работают. Стала жаловаться – получила по морде. Как мне ответил Делицын, жалуйтесь Путину. Или – может, вам кофе в постель? То есть я больше никогда не буду общаться с Делицыным, который, не видя человека, так может отхлестать. И с Рудисом тоже. Только на позор выставили. Понравилась Ирина Дедюхова, да больно уж горда. Такая советы слушать не будет. И еще: пока лично не попросишь, никто не колыхнется читать. Но как попросишь, когда не знаешь никого? Один крупный облом: я обычно не ошибаюсь, но тут на читательницу Машу накинута, чтоб она свое показала. А у нее нет своего-то. Не верю. Тонкий аналитик, не может простой читатель так комментировать. Наверняка просто не призналась. Кто я для нее?

Такое впечатление, что люди собрались для сведения счетов. Грязи, грязи-то! Всё равно я знаю, что пишу не хуже тех, кого успела прочесть, но нет, нет никаких оправданий, чтобы терпеть всё это безобразие, изнанку... Я помню, мы пили с подругами пиво на кухне, а дочка Даша, она меланхоличная обычно, но тут на наши грубости вдруг взвилась: «А еще члены Союза!»

То же самое хотелось мне крикнуть на «АнтиТенётах», когда они там Тайганову поливали. Главное, отсутствуют понятия снисходительного отношения к женщинам. Орут все как бешеные. Когда было очень погано, я возвращалась в свои «АнтиТенёта» возле «Графоманки» и читала милого Ры, как он передразнивает крутого Делицына. И смеялась. Ры похож на Саканского. Смех – освобождение.

Я показала Наугольному Дудкина из Кадуя, а Наугольный – мне: Дудкин – гностик. И две страницы про это. И никакого отношения. Я стала допытываться, чтоб перевел, а он: Дудкин темен и ничего еще не сказал своего. И надо ж две страницы кошмаров заумных наворотить!. Наугольный сам-то гностик. Сам еще ничего своего. Да и я такая же. Еще на «Тенётах» болтаюсь! Сидела бы. У Дудкина огромная библиотека. Более 1000 томов, лучшие издательства ему шлют тематические планы, и он, представьте, не просто покупает. ОН ЧИТАЕТ. У Дудкина я попала в пещеру сокровищ, я испытывала сильное волнение оттого, что не знала, что читать сначала. Уткнулась в сводные тетради Цветаевой, там письма к Воконскому. А кто он такой? И Дудкин тут же несет на подносе том с закладкой. Я говорю: «Вот Г. Сахаров на „Илье-премии“ мне рассказал про Рыжего, который повесился...» Дудкин берет и несет на подносе две книжки Рыжего от пушкинского фонда. Я так и вцепилась. Я прочитала Могутина, его интервью и стихи с матом. Я тут даже не решаюсь повторить, но понравилось. Три года не могла прочесть версию Парамонова про смерть Марины («Солдатка» в книге «Конец стиля»). А тут пожалуйста. И вторая книга там же, и теперь я понимаю, почему ФАУСТОВ ЛЮБИТ ПАРАМОНОВА. Короче, у людей горе от ума. Я всё твержу: дайте мне ваши культурные пласты, то, на чем вы выросли. А у них одни пласты. Лучше бы не знали ничего, как Жаравин, лучше бы вообще были дерёвней, тогда я бы сказала – НУ? И надо было бы ответить своим. А не набором умных прочитанных книг. Я много читала в деревне, много писала. О новых стишках говорить не буду, их можно глянуть на <http://www.stihi.ru/author.html?raket>

И беда с ними совсем. Люди говорят: брось, Галя, зря изводиться, худые стихи, ты слишком на смысл напиралась, всё забито плотно, нету воздуха, нету музыки, ты стихи пишешь, как прозу, невозможно так. Ну что ж...

Дневник писателя 14 августа. Когда шелестят листья августа

Теперь, когда уехала семья, такая благодать, что я даже смущаюсь, не уйти ли мне совсем от них. С ними я всё время чувствую себя рабой. А одна я почувствовала себя человеком. Впервые за долгие годы – хозяйка сама себе... Я перестала готовить еду вагонами. Поджарю четыре коляски кабачка: две себе, две бабке. Куплю полкило сыру – на неделю. Компот – на два дня. Батон – на три. Или, если она не хочет ничего, просто чищеную картошку оставлю, она варит. Она ничего давно не видит, только слабые тени. Почти ничего не слышит. Я прихожу с работы в семь часов, кричу: про что думаешь? Она говорит: спала, слушала радио, вот опять всех затопило. И думаю: что придумать, чтоб не было скучно. Ничего невозможно придумать! Иногда даже читаю ей – то книжку «Русские анекдоты» Пьецуха, вот, кстати, всем интересно: и детям, и бабке, и мне. Надоело – отложи, потом опять с любого места. То свою статью про визит богослова Осипова: «Бог говорит с человеком через совесть». Статья прошла сто порогов, ее ободрали как липку, но разрешили напечатать, сам владыка подарил библию редакции...

Было беззаботно, потом деньги кончились. Деньги кончились потому, что отправила знакомой Тане Калашниковой (с которой подружилась по Интернету) в Канаду бандерольку с книгами-журналами, у нее сильная тоска по Родине. Ну, она пообещала выслать деньги сразу, как получит, но для нее это мелочь, 10 долларов, а для меня 300 р. – неделю жить. Скрутила с сахаром два ведра черной смородины. И никто не заставлял меня, я так как-то, спокойно. Я просто стала такая Ларичева-Ларичева...

Дата моя на меня повлияла (50 лет). Я как-то протрезвела сразу и перестала бегать, задравши хвост. Я поняла, что вот двадцать лет занималась самиздатом, и всё это уже устарело, уже при мне. Да и мне эти папки ни к чему. Значит, я умру, и всё это будет на помойке. Тогда я стала узнавать, и мне помогла Юлька Клюкинова, чтобы пристроить мешки с бумагами в бывший партархив, ну наконец, это получилось. Может, сумок десять-двенадцать, так и называется: «Литархив Щекиной». За это я им дала фотографии семьи, так как у них программа «Вологда и вологжане». И всё бесплатно. С нового года сделают опись и откроют архив для всех желающих. А там много интересного, например, протоколы заседаний Лито, есть и личные письма, например, две папки тайгановских писем, это вообще бестселлер. Есть множество макетов книг, которые я делала, любой теперь может взять и переснять это себе... Это произошло 2 августа. Машины не было, и я просила водителя Лёню из фирмы, т.к. наш гараж как раз во дворе моего дома. Потом купила ему «Балтику-лимон» – вкусная вещь! Меня в деревне Дудкин угостил, вот теперь я тоже распробовала, и еще «Балтика-апельсин». Про Дудкина ниже. Архив – это вовсе не потому, что, допустим, я шишка на ровном месте. Мне просто кажется, надо иногда думать о вечности.

Когда шелестит роскошной листвою август, когда лето вместо палящей жары гладит лицо прохладным ветром, мы внезапно останавливаемся посреди этого великолепия. Останавливает простой факт – памятник. Августовским теплым утром друзья и близкие остановились на Пошехонском кладбище перед памятником Юрию Макаровичу и Надежде Сергеевне Ледневым. Здесь они, как и в жизни, рядом, потому что ушедшего в апреле 2001-го Юрия Макаровича преданная жена пережила всего лишь на четыре месяца... Их любовь и дружба стала настоящим символом для всех, кто их знал. И вот стараниями любящих детей открыт двойной памятник черного камня. Приехали сын и дочь. Пришли друзья, писатели.

Я не смогла быть на открытии памятника и оказалась там три дня спустя. Много слов теснилось в душе, когда я посмотрела на этот черный камень, на фотографию веселого бородатого человека. Этот человек первый сказал мне, что я должна писать. Он прочитал детские

рассказы, когда их было всего три. Объяснял, как их надо разворачивать в повесть. Вписал в литературную историю Вологды яркую страницу не только своим творчеством, но и созданием литобъединения «Ступени». Скольким он передал секретов рукомесла, терпения и тепла! Однажды я зашла к нему за рукописью, а получила еще рюмочку и хрустящие грибы... Между нами не раз кошка пробежала, да к тому же черная. Были разговоры даже очень тяжелые. В машине, когда ехали в Кадуй, он, морщась, говорил, что всё это под нажимом Союза... Было понятно, что это только обстоятельства... Иначе бы мы никогда не расстались... Я и сейчас работаю в журнале, который он начинал делать... Посмотреть на эти два памятника: листья с одного перелетают на другой. Такой простой и мудрый рисунок, кстати, Копьёв делал. Как горестно и светло. В такие моменты не думаешь о мелочах, только о вечности. А вечность наступает очень быстро.

У нас сильно похолодало, сейчас в среднем 13—15. Я перестала умирать от жары. Начала наконец потихоньку писать. Много надо человеку, чтобы он как-то вошел в норму. Я езжу на дачу раз в неделю. Работаю мало. Поливаю теплицу, срываю огурцы и кабачок, чесноку да мяты и два часа пью чай и смотрю в небо. Деревья очень разнообразно шумят, разными голосами: одно лип-лип-лип, мелко, часто, другое шир, ширр – мерно, длинно, третье кло-клект, с перерывами... Я удивляюсь, почему я никогда не слышала это раньше. Я стала настоящим тормозом. И горжусь этим. Поскольку Наташка уехала жить в Москву, у меня стало больше личного времени. Она письма не умеет писать, вертоголовая, иногда только звонит, раз в месяц. Платит за квартиру 1,5 тысячи, то есть всё, что зарабатывает. Сначала работала в какой-то юридической конторе помощником юриста, но потом подыскала что-то еще. Ночами она работает в престижном кафе-магазине «ОГИ». Там много новых книжек и много ярких людей. Только ночные смены, поскольку она новенькая. За смену платят 240 р. Писать она совершенно бросила, даром что компьютер туда отвезла. Там ведь если деньги заведутся, сразу в клуб, на концерт «Ночных снайперов» надо бежать. Тут она показала супер в смысле поэзии, там ее бросила, пошла зарабатывать. Значит, кончился запал, фонтан вдохновения иссяк. Обидно ли мне? Обидно. Такое впечатление, что ничего и не было, на что я потратила столько лет и сил. Вот и Яшка Авербух тоже, поехал в какой-то фальшивой «Синей птице» ездить по стране, по 10 тысяч зарабатывать. Придет такой в 12 ночи, с коробкой конфет – чаю ему давай. Весь с сотовым, в дорогой одежде, гитару фендеровскую за 12 штук купил... Воображают перед Галей. А денег на книжку никто не даст, всего и надо 3 тысячи. Ну и ладно. Дети-то ведь тоже выходят совсем не такие, как мне надо, но я не обижаюсь на них. Никто из них не любит читать книжки, тем более те, что пишет глупая мать. Которая тормоз. В то время как все люди хорошо живут, или хотя бы пытаются, она им долбит про какую-то духовность и ходит в рваных колготках.

О чем я пишу? Кроме тех книг, которые я писала раньше – «Графоманка», «Чудовищный цветок» (стихи), «Бася», «Мелисса», «Ария», у меня в работе около 4 сборников статей под общим заголовком «Крупным планом». Это тоже для вечности. Там разные люди: Тайганова, Архипов, Сопин, Щекина, Жаравин, Сучкова. Поскольку были всякие мероприятия, и в том числе литературные чтения, статей накопилось много. Большинство я набрала на компьютере сама. Теперь надо аккуратно по авторам размакетировать, распечатать. Если кто-то будет изучать историю вологодской литературы, это будет нужно. В этом году Тайганова пыталась пропийарить вологодских авторов в Интернете, повесила туда и мою «Графоманку» на какой-то конкурс «Тенёта-Ринет». Ничего я там, конечно, не займу, там все такие крутые, акулы пера, но прибавилось пять читателей, тоже нормально. (Грустно лишь то, что она, видимо, пытается привлечь меня к совместной работе, но я уже не могу. Моя преданность ей давно кончилась. Да. Это было дело жизни, но оно рухнуло. Это, однако, еще не конец света...)

Я кое-что доделала из своих произведений, кое-что начала. Закончила большую работу «Горящая рукопись». Это поэма в 140 страниц, написана практически вся белым стихом (без рифмы, но ритмом). Это очерк подпольной литературы плюс всякие истории, даже любовь есть. Андеграунд, подпольная литература – это существует и теперь, когда, казалось бы, можно печатать всё. Но в Вологде засилье патриотических писателей-почвенников, и народ так привык их любить и почитать, что всё прочее в упор не видел. Это же многолетняя пропаганда была, а что я могу сделать, если одна тонкая книжка встает в 3 тысячи? Они все тиражи бесплатно получили, партия помогала. Так целое поколение вымерло. Поэтому рукописи и горят... Михалыч сейчас мало вникает в мои писания, он увлекся культурологией, пишет пресс-релизы об образовании. Но он сказал, что «Горящая рукопись» – энциклопедия провинциального культурного сознания.

Сейчас заканчиваю повесть про художника-самоучку с рабочим названием «Спасибо...» (в расшифровке «Спасибо, господи, что не до смерти»). В рукописи 80 страниц, значит, в книжке будет около 160, для повести как раз. Мне осталось только вставить кое-где описания картин и связать их с настроением глав. Повесть имеет главного героя, чей реальный прообраз есть в жизни. За время работы в гостинице я много интересного о нем узнала, да и вообще о художниках. Наложилась и собственные представления о творчестве. Есть даже любовный роман, да и как без него, иначе читать не будут. У меня сильные муки с заголовком. «Спасибо» – это пошлость, «Благодарю» – банально, скучно, «Художник» – может, он таким и не стал, да я и не профи... «Чаша сия» – блин, так высокопарно, но больше всего подходит по смыслу. Наугольный говорит: проще называй, не накручивай...

Начала новую книжку стихов складывать, много уже стихов-то, да вот не найду подходящий заголовок. Что на работе? Редактор очень тупой, я перестала с ним спорить и доказывать. Он ничего не понимает в литературе и давит на психику властью. Что касается шефа фирмы, он принял сторону редактора, и если я когда-то там верила, надеялась на помощь, теперь махнула рукой. Хожу в их шикарное кафе да сижу в Интернете, веду себя непорядочно, отлыниваю от работы, я раньше такой никогда не была. Пришла новая сотрудница Альбина, она готовится к свадьбе, прическу заказала за 400, платье за 3,5. Вот и умница. Говорят, надо подводить итоги, а подводить нечего... Долгие годы битья ни к чему не привели, я устала. Я по-прежнему одна, без друзей и сторонников (ночные звонки пьяных поэтов не в счет). Искусство нужно для чего? Правильно, для того, чтоб напоминать человеку о его божественном происхождении. А за прозрения всякого рода приходится платить одиночеством. Но, как оказалось, это не наказание, а благо. Живет же Дудкин Саша в страшной глуши, работает лесничим в Уйтинском лесничестве, пишет кучу бумаг руками (поэтому я достала и переправила ему старенькую машинку, и для стихов нужно). Библиотека – более 100 новых томов, издательства ему шлют тематические планы, потому что он покупает на 1,5 каждый месяц. Вот это я понимаю. Я когда начинаю его тащить на свет божий, он против. Вот поэтому и против-то, что сладко бывает одиночество. Дудкин очень странный, но встретил нас хорошо. И мы от души накупались в реках, пока он самоотверженно тушил пожары. Мы жили в лесу, в избушке, кругом сосны, – как хотелось бы снова туда... Я сказала: «Напишу о тебе», а он: «Обо мне нельзя писать», выверился сразу. А что такого в нем плохого, не говорит.

Волкова приходила, мы с ней съездили на кладбище на могилу нашего наставника Юрия Макарыча Леднева, который от нас отрекся. Она машину выбила в радиокомитете. Мы постояли у могилы, поговорили о вечности. Хороший был Макарыч, добрый, а нас бросил из-за пенсии, чтоб не отобрали... Царство небесное. Кто будет стоять у наших могил? А никто (кроме семьи). В этом я отдаю себе полный отчет, тут пред вечностью не совершь. Никого нет. Волкова – диктор милостью Божьей, вся область наслаждается ее голосом. Но она бросила писать, а мне это скучно. Поэтому встречаемся раз в год по необходимости. И никто ко мне не ходит, и телефон молчит – какое это счастье! Вот отправлю на конкурс в Москву пару человечков

и опять буду тихо сидеть. И поздно ложиться, и щеку будет гладить покрывало. А за окном шелестит, шелестит...

Дневник писателя 27 августа. Нереальная Улицкая

В картинной галерее было малоллюдно. На улице шел дождь, я потащила Надю Черкасову, художницу, на выставку «Солнечного квадрата» – ну, там всякое баловство, дело рук молодых художников: «Венера» из проволоки, член и грудь под колпаком, гипсовые слепки рук, неожиданные химические пейзажи и натюрморты, прибитые к шербоатой доске. Дали мне фотки, а подписать не подписали, пришлось идти. Выставка мне показалась ехидной и озорной. Тут Воропанов, директор, вдруг меня окликнул: «Галя, иди сюда. Посмотри, кто здесь». Я слепая, ничего не вижу издали, картины смотрю «носом»: «Здрасьте, Владимир Валентинович! Иду-иду».

Подхожу – рядом маленькая черненькая женщина. «Галя, это Улицкая. А это местный литератор Галя Щекина». – «Ах, – закричала я, полностью обалдев, – здравствуйте! Я ваша поклонница, знаете...» И замолчала. Она улыбнулась: «Мы с мужем здесь на минутку, говорим о возможной выставке. – Муж, художник Красулин, стоял тут же. – А это мой сын, работает на „Северстали“ (красивый черноглазый юноша!) – „Северсталь“ – это очень круто, – сказала я невпопад. – У нас на фирме сильно обсуждали ваш последний роман. Споров было, споров...» – «Кукоцкого? Надо же, в такой глуши еще читают Кукоцкого... А о чем спорили?» – «Да вот о том, что людям много дано, а они несчастны. Героиня, видевшая насквозь, это ж такая эзотерика... А чем кончилось? Вообще, слишком тяжелый роман». – «Да, он тяжелый. А кто сказал, что тонко чувствующим людям легко жить? Вообще, роман ничего не утверждает, он же только ставит вопросы... Нам правда некогда, мы уходим». – «Это очень жалко. А вы приедете еще? Владимир Валентинович, вы мне скажете?.. Я же не отстану теперь...» – «Скажем, скажем... Увидимся...»

Мне сказали «до свидания». Я попятилась, всё еще в шоке. Потом на другой день стала бегать, всех напрягать насчет ее книг. Я ведь только «Медю» читала да «Кукоцкого»... Вдруг правда приедет. Наташка пришлет чего-то из «ОГИ», тут мне Люда дала «Веселые похороны». Удивительно человек умирает, осмысленно и к другим по-человечески. А я прожить жизнь по-человечески не могу. Всё это как-то нереально. Но есть свидетели, Надя всё же видела. Она говорит, ну, с тобой и ходить в картинную галерею...

Дневник писателя 13 сентября 2002-го, пятница. Лихорадка

В такие дни, говорят, лучше отключиться от всего суетного. Но приходит человек из администрации: я админ сайта культуры Вологодской области, дайте мне то-то и то-то. Даю. Приходит поэт Паша: дайте мне то-то. Даю. «А зачем тебе, Паша?» – «А затем, что Фрэд делает НЕФОРМАТ-сайт для андеграунда». – «А я?» – «А ты уже квадратная». Я улыбаюсь. Андеграунд считает меня квадратной. Квадратные – андеграундом. А кто же я?

Сегодня опять нервотрепка по поводу кабинета для Лито. Целую неделю нервы мотали. Да что это вы без аренды, да зачем вы, да к нам перевели загс, свадьбы три раза в неделю! Ну и что, а мы в уголке... И мы про вас напишем в журнале, а? Нет, вы сходите на «Рубцовскую осень», а кабинет потом. Нет, сейчас!

Да мы пойдет на «Осень» эту, совсем они заквадратели с ней. Прошлый раз было скучно, ну ладно. Дали кабинет. Но уже поздно, я никому не сообщу. Шесть вечера. Руки-ноги дрожат. Ну а самое главное – О ЧЕМ РЕЧЬ? Четверо едут на картошку, нужен бы Наугольный... Кстати, где он, не в запое? Архипов будет с женой. Девочек по «Илья-премии» позвать. Боже мой, не успеть. Соколова пришла – у меня не готова ее найбойка. То есть набор ее текстов. Она вся в обидах. А что обижаться? Я и так на разрыв... Не могу ей даже сказать, что новый рассказ написала. Что мне роднее мои рукописи, чем ее.

Семинар на Самиздате интересный. Я так втянулась. Джен умница, родные по духу Данилов, Горелова. На ящике каждый день 130 писем, здорово, такое безумие...

Дневник писателя 19 сентября 2002-го. Тепло, Морозушко, тепло, милый

Такая страшная нелепая история у Тани Соколовой: сначала она со стихами пошла к Коротаеву, который тогда был жив, он ее отхлестал. Потом она не писала десять лет, удручалась, потом съездила на Валаам, просветлилась, опять насмелилась – пошла к нам в журнал. Тут ее погнал мой редактор Подольный. Материал был хороший про Валаам, а он ее погнал лишь только за то, что от меня, меня-то надо было унижить. Потом она выступила у меня на фестивале «Белый город», опять очухалась и пошла к Фокиной – и та ее погнала уже сильнее. Тогда у Тани начался невроз, а ей это нельзя, она астматик. И когда ее отпустило в очередной раз, она позвонила мне. И я что? Я после всех этих штук должна была погнать? Я что, живодер, что ли? Да нет, конечно, я начала печатать ее книжку. Это ужас. Ни рифмы, ни ритма, ничего. Я править. Она не соглашалась ни в какую... ни в какую... Так и прошел месяц. Я уже вскипела, сказала, что не стану править, а она – правь, но не так. Тут я совсем приуныла. Тимошу забросила писать, снова села набивать. Но не могу на кривое такое не реагировать. Просто чесотка начинается везде. «Таня! Мать твою, Таня, отстань». – «Не отстану...»

Теперь прошло три месяца. Осталось стихов пять. А тут Лито пошло. Надо печатать тексты к Лито, обсуждать. «Наугольный, ты пойдешь на обсуждение?» – «Пойду». Хорошо. Прихожу на Лито, говорю всё это, мне орут, что Наугольный будет в запое. Вечером звонит Наугольный и говорит, что он хотел бы видеть в пресс-релизе. Я оправдываюсь, говорю, что рассказ просто прочитали, а он: «Значит вы, Г.А., вот так самоутверждаетесь? За счет других?» – «Где за счет других? Я тебе печатаю тексты, а ты еще выступаешь?» – «А вы Тимошу предали. Вы, значит, не состоялись как писатель, вот и балуетесь...»

Я пошла тогда реветь. А сегодня он приходит и говорит, что порвал с литературой и не желает ничего больше знать. Возьмите, говорит, от меня «Забывшую книгу» Вагинова, и всё, больше я вас не знаю. Вы, говорит, посмели меня сделать персонажем, теперь я и вас считаю персонажем, не более. И мне противно. Я долго стояла, а потом стала звонить во все телефоны, и он нигде не ответил. Значит, в запое. Или он прав? То, что я не состоялась, это мне еще Бычкова десять лет назад говорила, а потом сама села печатать неизвестных поэтов... Но все-таки это запой, депрессия или ...? Мы не печатаем журнал, всё время ломается принтер. А этот номер будет про психбольницу, которой исполнилось 110 лет. Ну, культурное поле...

Вчера я хотела напечатать книгу. Мне человек один по дешевке обещал, подпольно, за 2 тыс. вместо 4. Я пошла к Сергею Михалычу (критик Фаустов, он же – муж) и спросила: «А если я не принесу их домой, эти 2 тысячи? А на книгу? Вся моя получка!» Он сказал: «Книгу издавать не надо. Надо, чтобы издательства сами у тебя брали...» И тогда я пошла и купила еды детям. Правда, какие книги, если дети хотят есть? Колбасы купила, сыру, помидоров, муки, печенья. И так хорошо было, так хорошо всем было. А я ночь не спала. Зачем я их пишу-то тогда? Уж почти готов Тимоша, а и предыдущей нет в печати...

Дневник писателя 17 октября 2002-го. Чужие письма

Айда за стол, обеденное время, беседовать в прихожей мы могли бы, хотя подумай, супчик ароматный, обжаренные с луком фрикадельки... Ты, вдовушка, конечно, изменилась. Ты раньше всё любила понемногу, особенно соленький огурчик с прилипшим чесноком или укропом, а нынче отвергаешь непреклонно любое мясо, банку с маринадом... Блинов не хочешь? Очень много теста.

Вчера еще писала ты мне письма листов по двадцать. Письма приходили все в основном сочувственные очень, и мощные, и именно в моменты, когда я в них особенно нуждалась. И я тебе пространные депеши писала километрами – ты помнишь? – собака приносила прямо в ванну, читая их, ты плакала зачем-то, и важностью проблемы заряжалась... Сегодня мы ни письменно, ни устно общаться не способны. Нет желанья.

Мы помогали в черные минуты друг другу, одинокие годами. Поэт машинно-тракторного центра, которому я правила подборку, в те дни активизировался очень, грозился перебить все окна в доме и в суд подать. И дома, и на своей работе.

Еще вчера! Как быть могло бы вечно! Вернемся же к листам бумаги желтой, к насыщенному бурному общению. Там были не одни слова и мысли, ты создала прекрасные рисунки. Ни выюги, ни белья, ни сковородок, ни рукописей, ни сердечной бури там не было. Но ты изобразила не мелочи, а сущность – надбытийно, что не «потом», а «прежде». То начало, что сотвореньем мира называют, поистине ребро Адаму – Ева. Для графики такой приличней было всё заново писать и по-другому, и библию попутно открывая!

То сотворенье мира беспредельно. Присвоить не осмелилась... Ну, как бы... Твой образ на бумаге был подарком, который для меня глобален слишком. Сегодня мне не надобно и даром подобной отвлеченности, излишне. Вчера еще я снизу вверх смотрела, не в силах это вымолвить. Сегодня я говорю – не вышло диалога.

Я лишь бытописатель, ты – эпична. Масштабы наши несопоставимы. Вчера ты восхищалась, что живу я не для себя. Что сделала так много, пространство создала, в котором могут развиваться неожиданно таланты. Но что случилось? Нынче всё иначе. Сегодня ты считаешь, я душитель. Хотела ты приехать в этот город не потому ль, что здесь вспахали почву? Казалось, будет всё результативно, светло и вдохновенно... И на деле ты написала два больших романа, стопу статей. Вдобавок столько планов... Не знаю даже, что умеешь лучше – романы ли, эссе... Хороший критик читать умеет быстро – ты умеешь. Вчера тебя хотела напечатать, а вышло всё чудовищно. Альбомы твоих рисунков графики с любовью готовили тебе ко дню рождения – скупил ты, чтоб их никто не видел. Я так смешна с тряпьем комиссионным. Сегодня ты сама крутой издатель, мне книжку у тебя не напечатать, она не по зубам, не по карману.

О да, я клею страшные макеты и ножницами криво вырезаю, Пейдж Мейкер не работает, бедняга, компьютер маломощный, зависает и файлами графическими медлит. Он куплен для забавы и бирюлек, для сидиромов, где ему запомнить все книги, что сидят на жестком диске. Ну где же мне дожидаться новых техник, когда поставят пейдж! Его не будет. Поэтому вручную, плохо, криво, но всё не пустота, не неподвижность... Ждать помощи мне неоткуда, знаешь, всё выдано до нас – для патриархов... Ждать помощи от мэра, президента, от спонсора, от друга – та же дикость. Сказал же Искандер, что он не нужен! Сказал он про себя, но всем подходит. Возможно, я суюсь, куда не просят, а книгами чужими занималась, поскольку как писатель не сумела создать свое значительное. К черту.

Про экспериментальную вещичку ты бросила презрительную фразу, чтоб я ее немедленно забыла как величайший стыд всей жизни. Мемуары? Перед тобою вяннут мемуары. Тебя вдруг осеняет моментально, что хамка я по жизни и по текстам, и никогда не сделаюсь скромнее.

Мне говорили, я напоминаю дрезину, что гремит узкоколейкой, любого перееду, даже трупы. Как жаль, не при тебе, ты б согласилась, еще и от себя прибавила б эпитет.

Вчера ты одобряла всю программу. Сегодня прямо противоположно. Ты мной разочарована? Прекрасно.

Смотри, совсем растоптаны те люди, которых я открыла, чтоб печатать. (На них уже стоит печать Союза). Хотела им помочь – подвергла риску. Поэтому сегодня партизаню.

Ты ешь пока блины, вскипает чайник, вот слабое домашнее повидло, его сварила я из дачных яблок, когда их очень много уродилась, а сахару, конечно, не хватало. Талантлив кое-кто до безобразья. (Берет с воротником такой связала – художники позировать просили). Не то что в церковь! Нам и город тесен. Обещанный субботник отменяю. И если ты травмирована мною, убожеством всего – пора на отдых. Вчера ты знала: я твоя поддержка, сегодня говоришь, что я предатель. Вчера ты явно жаждала общения – сегодня мы покинуты друг другом. Сегодня ты являешься с подарком, всё происходит так, как я боялась. У вас ремонт, наверное, в разгаре, розетки ставят бело-золотые? Зеленый кафель, плитка «итальяно» в огнях, как та усадьба в кинофильме. А у меня всё скученно и скучно. И занавески клетчатые те же, и лампы на торшере все в заклеях. На стуле недошитая, в горошек, та юбка, что ты мне дошить хотела, а склочная машинка поломалась – руками доведу, как те макеты. Еще хочу я сделать бутерброды, простые бутерброды из батона... Я говорила, нужен суп, как воздух.

Всегда хотелось – от земли да в небо. Душа упрямо требует чего-то, что вряд ли умещается в натуру. Поэтому о будущем не будем. Печатаешь ли ты эссе на конкурс? Рассматривать в Берлин его отправим. И пусть его освоят единицы, читатель будем избранным... Приятно?

Ты видишь эту лодку на картине? Дрожат, переливаясь рябью, волны. И в серебре уключины, и в звездах. Она плывет в воде, но прямо в небо.

Дневник писателя 17 октября 2002-го. Чужие письма 2 (продолжение)

Да, про СаканГБук. Где разыгрался скандал с чужими письмами...

Сначала я думала, что за меня заступился только один человек – Эвелина. Потом смотрю, и Таня Калашникова. Двое! А Саканский сразу поверил, что я нечиста на руку. Но письмо «о прощении», как оказалось, писал мой 19-летний сын: «А чего она?!» Я написала главу о письмах давно. До сих пор вижу этот разрыв между желаемым и действительным. Ее письма я, конечно, не собиралась публиковать. У меня был выбор – сдать в архив или уничтожить. Но я не смогла уничтожить. Хотя они и стали не нужны мне, отдавать их нельзя. Потому что она хорошая там, и самую собой запечатлена в лучшие моменты. Пусть кто-то узнает об этом. Я не требовала у нее ничего, никаких своих писем. Я и теперь не стала бы. Ведь я писала их с любовью и нежностью, и значит, попали по адресу. Когда-то нужна была помощь ей – моя, и мне – ее. Потом всё рухнуло. Но, конечно, выяснять публично – это зря... Кстати, берет, который я давала Эвелине около памятника, – действительно ЕЕ берет. А что такого? У меня другого нет. Теперь и его носить не могу, хожу «без башки», мерзну.

Мы целый вечер искали с мужем ту квитанцию об оплате тиража «Свечи». Не нашли, ведь это было в 1996-м, 2 полугодие, а «Свеча» тогда уже прекратила существование. Кроме того, папки со 2 полугодием остались у бухгалтера нашего дурацкого СЧП, она их спрятала, чтоб выпросить побольше зарплату. Я знаю ее фамилию, но я не скажу... Хотя я могла бы сходить в ВКК, и там нашли бы, ведь у них тоже записано было, сколько я внесла. И там была сумма чуть меньше одной тысячи типа 998 рублей, неужели это теперь значит 2,5 миллиона? Я сидела и думала, а правда, сколько это миллионов в тех деньгах?

Всё терпит девальвацию, всё. То, что было мне так дорого, не стоит ничего. Она гениальный писатель. Но как личность, к сожалению, попала под влияние мамы, а это значит, несамостоятельна. Теперь я никогда не узнаю, какая она на самом деле. В главе «Чужие письма» я как бы предчувствовала ее упреки. А также записала те, что она мне высказала на тот момент. У нее были порывы человеческие. Она приходила ко мне с бутылкой мартини «налаживать отношения». Но потом сама же... Впрочем, ладно. Неважно. Всё неважно теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.